

Ана
Сакру

Мои
(НЕ)ВЫНОСИМЫЙ
СОСЕД

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ана Сакру
Мой (не)выносимый сосед
Серия «Керефовы-Лютики», книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68682207

SelfPub; 2023

Аннотация

Всего одна безбашенная ночь и горький осадок наутро. Лиза Керефова была уверена, что больше никогда не встретит человека, неожиданно ставшего ее первым мужчиной. А если и встретит, то гордо проплывет мимо, не удостоив даже взглядом. Потому что так ему и надо! Хам! Но каково же было ее удивление, когда этот самый первый мужчина посреди ночи завалился к ней домой и начал утверждать, что это вообще-то его квартира, а ей здесь и вовсе быть не полагается! #Пошло и смешно #Весело и грустно #Лизе Керефовой уже двадцать – два года как можно забирать, увозить и везде целовать. Если не страшно, конечно... #Новогоднее чудо будет!

Содержание

1	4
2.	16
3.	43
4.	55
5.	65
6.	82
7.	96
8.	110
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Ана Сакру

Мой (не)выносимый сосед

1

– Все, мам, я у универа, не могу больше говорить.

В подтверждение моих слов парктроник начинает навязчиво пикать, ускоряясь, пока я пристраиваюсь задом между двух машин.

– Ни пуха, ни пера! Как сдашь – позвони! – напутствует мама строго.

– Да результаты все равно сегодня не объявят, – рассеянно отмахиваюсь от нее, вертя головой по сторонам, чтобы удачно закончить маневр и ни к кому не притереться. Узко тут – жуть... Зато прямо у входа.

– Позвони, – с нажимом повторяет мать по громкой связи. В голосе моментально прорезаются стальные папины нотки. За годы совместной жизни копировать его в ответственные моменты она научилась идеально. Даже холодок пробежал между лопаток. Профи...

– Ладно, позвоню, – закатываю глаза.

– Умница, люблю тебя, – тут же нежным голоском добившегося своего человека, – И скажи "к черту"!

– К черту! И я тебя, папе привет! – сбрасываю наконец

звонок чересчур беспокойной родительницы.

Выключая зажигание и ловлю свой взгляд в зеркале заднего вида. Шумно выдыхаю через рот, пристально глядя себе в глаза.

Лиза, это всего лишь английский – для тебя, как два пальца, да?

Ты сдашь.

Но ладони все равно противно потеют, а сердце часто колотится в груди.

Не-на-ви-жу экзамены.

И если бы сейчас, после третьего курса, на второе высшее не надо было сдавать только профильный предмет, я бы может и не пошла. О том, что, если сдам (а я сдам!), у меня будет четыре сессии в год, а не две, а значит и этих самых экзаменов в два раза больше, упорно стараюсь не думать. Потому как, если буду думать, до сегодняшнего экзамена могу и не добежать...

Кстати, про "бежать".

Как раз хорошо бы начать, потому что я уже опаздываю.

Показав своему отражению язык, подхватываю сумку-мешок с переднего пассажирского сидения и пулей вылетаю из салона. На ходу плакаю сигнализацией, не оборачиваясь на машину. Белые кроссовки мягко пружинят по старинным ступенькам парадного входа в мой универ, коротенькая юбка летнего платья так и норовит подлететь вверх от скорости моих шагов и теплых порывов августовского пыльного вет-

ра. Массивная входная дверь как всегда поддается с трудом, будто не желая допускать тебя к сокрытым за ней знаниям.

– Здравствуйте, – торопливо кивнув охране и приложив бейджик к датчику турникета, я стремглав мчусь по гулкому центральному коридору.

Сворачиваю вправо, залетаю в коридорчик поуже и, не давая себе и секунды передохнуть, бегу вверх по сколотым мраморным ступеням на третий этаж. Пролеты бесконечные, высота потолков огромная. И кто придумал проводить экзамены в таких удаленных аудиториях? Это видимо в надежде, что половина абитуриентов просто не дойдет?

Пытаюсь отдышаться только у самой двери нужного кабинета. Уже закрытой, так как на экзамен я безбожно опоздала. По моим подсчетам на целых пятнадцать минут – практически целая вечность по меркам Аделины Григорьевны, зав кафедры иностранных языков. Понимаю, что за дверью именно она, когда до меня доносится ее высокий требовательный голос, приглушенный толщиной дверного массива. Наскоро невнятно помолившись, поворачиваю ручку и проскальзываю в приоткрывшуюся щель.

– Здравствуйте, Аделина Григорьевна, извините...можно? – аккуратно прикрыв за собой дверь, с видом несчастного кота из Шрека замираю на пороге.

Опускаю голову пониже, вцепляюсь в сумку обеими руками – осталось только горестно вздохнуть. Ну просто бедная

сиротка на выезде... Не факт, конечно, что Уральская поверит в мое покаяние, но попробовать однозначно стоит.

Мне ей еще устную часть сдавать...

Аделина Григорьевна демонстративно медленно поворачивает голову в мою сторону, поправляет на переносице очки и кривит тонкие бледные губы.

Не поверила, жаль.

Тут же выпрямляюсь – шея уже затекла страдать напоказ.

– Керефова, вы что тут забыли? Идет экзамен.

– Так я на экзамен. Вот на второе поступаю, слушателем.

Можно...? – решительно делаю шаг в сторону парт.

У нас все-таки пока свободная страна и право на образование даровано мне конституцией.

– Куда вам второе, Елизавета! С профкомами вашими вечными... – Аделина Григорьевна столь искренне удивляется, задирая брови поверх очков, что так и тянет продемонстрировать ей колечко на среднем пальце.

Я вообще-то хорошо учусь. Посещаемость хромает, да, но что за формальный подход к преподаванию! Главное – сдать в срок, нет?

– Аделина Григорьевна, можно? – упрямо повторяю еще раз, пропуская ее колкий вопрос и делая еще один шаг в сторону парт.

Уральская вздыхает мученически, отворачивается и машет устало в сторону притихшей аудитории.

– Быстрее давайте. Тяните билет и готовьтесь. У вас оста-

лось пятнадцать минут, ровно в половину начну спрашивать. Вас первую, Керефова. Вы же, видимо, в себе уверены, раз так НЕ торопились.

– Спасибо, Аделина Григорьевна, – вполне искренне откликаюсь и хватаю ближайший перевёрнутый билет из вороха лежащих у нее на столе. Сразу по ходу читаю, пробираясь к задним рядам. Так...ну, вроде бы фигня!

– Куда, Керефова? – прилетает мне едкое в спину, – На первую парту садитесь передо мной.

Оборачиваюсь и недоуменно кошусь на молодого мужчину, уже сидящего за ближайшей к Уральской партой. Он тоже оборачивается на меня, смиряя холодным, слегка снисходительным взглядом. Щеки непроизвольно вспыхивают. Очень уж заметен оценочный блеск в его серых глазах.

– Так там занято, – обращаюсь к преподавательнице, пожимая плечами.

– Ничего, садитесь, – Аделина Григорьевна нетерпеливо стучит ноготком по своему столу.

Вздохнув, плетусь к первой парте. Мужчина убирает с соседнего стула рюкзак, освобождая мне место.

– Спасибо, – шепчу.

Кивает, не повернувшись, и возвращается к своему экзаменационному листу, наполовину исписанному мелким убогористым почерком. Невольно цепляюсь взглядом за чеканный профиль своего соседа. Не мой ровесник – старше, минимум лет двадцать пять, может чуть больше (в аудитории вообще

собрались очень разношерстные абитуриенты – от восемнадцати до шестидесяти – все-таки заочное). Нос с благородной горбинкой, тонкие, четко очерченные губы, резкие скулы, серые, глубоко посаженные глаза интересного разреза, будто мужчина все время немного щурится, прямые брови, ухоженная русая короткая борода, усы, светлые волосы выстрижены на висках, а более длинные на макушке собраны сзади в пижонский хвостик, чуть заостренная, словно у эльфа, ушная раковина с маленькой мочкой – мужчина вообще весь какой-то острый в лице. Хотя, судя по широким накаченным плечам и крепкой шее, только в лице... Интересный...

– Помочь? – сосед вдруг резко поворачивается ко мне и вопросительно выгибает светлую бровь.

Тушуюсь, застигнутая врасплох, отрицательно качаю головой и, спасаясь от его пронизывающего взгляда, зарываюсь в сумку-мешок в поисках бумаги и ручки.

Боже, и о чем я только думаю.

Экзамен, мне сдаваться минут через десять, а я сижу и вдохновенно разглядываю незнакомого мужика.

Шуршу вещами в полной тишине ставшей безмолвной аудитории. Руки подрагивают, ладошки влажные, дыхание – до сих пор сбитое после бесконечного бега по ступенькам. Каждое мое движение предательским эхом расплзается по просторному кабинету. Только сейчас становится стыдно за то, что отвлекаю всех и так шумлю. Но выхода нет – найти

ручку никак не выходит. Пока только листок бумаги сиротливо лежит передо мной.

– Фак... – бормочу себе под нос, продолжая копошиться в сумке.

Глухой стук какого-то предмета о стол отвлекает. Поднимаю взгляд и растерянно смотрю на появившуюся передо мной ручку. Похоже, сжалился мой остроухий сосед...

– Спасибо, не могу свою найти, – благодарю шепотом.

– Я понял, – его низкий голос кажется насмешливым, хотя мужчина не улыбается. Наоборот очень серьезно смотрит, – Не за что.

А потом вдруг краешек его тонких губ ползет вверх, отчего на щеке прорезается четкая ямочка.

– Лиза, – добавляет тише. Интимно так в сочетании с кривой улыбкой.

Немного подвисяю, смотря в серые глаза напротив, и произвольно улыбаюсь в ответ.

От того, что имя запомнил, в груди разливается покалывающее иррациональное тепло. Как ни крути, а это приятно.

– А вы? Ты...?

Мой сосед открывает было рот, чтобы представиться, но тут в наш тет-а-тет вмешивается Аделина Григорьевна.

– Девять минут осталось, Керефова. Разговоры!

Фак, точно. Забываю обо всем и быстро – быстро пишу. Завалить единственный для меня вступительный экзамен было бы особенно обидно. А, учитывая количество братьев

– гиен, способных застегать меня по этому поводу, просто непростительно!

Рассеянно постукиваю шариковой ручкой по приборной панели, пока наблюдаю за центральным входом в универ. Периодически тяжелая дверь нехотя открывается, впуская и выпуская студентов. Сосед мой по парте пока еще не выходил. Я, сдав экзамен самая первая, как Аделина Григорьевна и обещала, жду его в машине уже двадцать минут.

Ничего такого – просто забыла отдать ручку...

И то, что он очень симпатичный, здесь совершенно не причем!

Ручка сувенирная, хоть и самая простая, с надписью "Домбай – счастья край" – может, она ему как память дорога, а я, получается, стащила... Потому пристально смотрю на тяжелую дверь универа в ожидании эльфоухого блондина уже двадцать первую минуту.

«Это просто смешно, Лиза. Ну какая ручка. Он же сразу поймет... Решит еще, что навязываешься,» – периодически мелькает у меня в голове, и я порываюсь завестись и уехать со своим пишущим трофеем, но потом снова глушу двигатель, давая блондину еще пять минут, чтобы он наконец вышел из здания универа.

И вот, когда начинаю заводить машину в пятый раз, блондин все-таки показывается на улице.

Тут же прикусываю нижнюю губу, пытаюсь сдержать нерв-

ную улыбку. Температура тела подскакивает. Мне как-то нервно подходить к незнакомому мужчине и тем признаться, что я проторчала тут двадцать минут, ожидая его!

Лицо вспыхивает, пока наблюдаю, как он легко спускается по щербатым ступеням парадной лестницы. Высокий. Точно выше метра восьмидесяти, широкоплечий, с рельефными мышцами, проступающими через черную простую футболку и светлые джинсы. На ногах потертые простые кеды, рюкзак небрежно переброшен через плечо. Загорелый, отчего волосы, забранные в хвостик, кажутся еще светлее.

Он словно сбегает с обложки «Men's Health» по этим несчастным ступенькам, и я ощущаю неконтролируемое волнение внутри, как любая девушка при виде симпатичного, мужественного парня.

Ладошки влажнеют, сильнее сжимаю ручку, готовясь выйти из машины, когда незнакомец дойдет до парковки. Но он не доходит. Останавливается около стоящих рядом прокатных электросамокатов, достает телефон из заднего кармана джинсов скользит пальцем по экрану в поисках нужного приложения. Понимаю, что сейчас уедет. Бросаю быстрый взгляд в зеркало дальнего вида, чтобы проверить макияж, поправляю непослушную рыжую челку и решительно выхожу из машины.

– Привет! – кричу сразу, не давая себе шанса передумать.

Мужчина отвлекается от экрана телефона и поднимает на меня взгляд. Даже на расстоянии вижу, как искреннее удив-

ление в его серых глазах сменяется ленивым интересом. Тонкие губы трогает едва заметная самодовольная улыбка, отчего мое лицо вспыхивает еще жарче. Фак... Очень сложно теперь будет вырулить к роли недоступной лани, которая мне гораздо родней, чем амплу дамочки, сидящей на парковке в засаде. Пытаюсь сбить градус самоуверенности блондина, размахивая его ручкой, пока подхожу ближе. Но, судя по не изменившемуся выражению его лица, – отстойно получается...

– Вот, хотела вернуть, – откашливаюсь и протягиваю ручку.

Боги, какой он высокий... Я ему по плечо... Втягиваю воздух и нос щекочет запах морской туалетной воды и теплый естественный аромат кожи. Мурашечная смесь... Даже немножко ежусь, прежде чем состроить беспечное выражение лица и гордо встретить его оценивающий взгляд.

– М, спасибо, – парень забирает ручку, закидывает ее в кармашек рюкзака.

– Тебе спасибо, – улыбаюсь, переплетая пальцы за спиной.

Он молча кивает и смотрит в упор, продолжая едва заметно самодовольно лыбиться, от чего чувствую себя полной идиоткой!

– Как экзамен? – кусаю губы.

Равнодушно пожимает плечами, лениво разглядывая меня. Будто ждет, что я еще придумаю, чтобы завязать разговор. Или просто мечтает, чтобы я наконец отстала... От этой

мысли становится дико неудобно, пульс перестает частить, а нервное возбуждение моментально трансформируется в пожирающую изнутри неловкость.

– Ну, пока, удачи! – отступаю.

Парень никак не реагирует, так и смотрит изучающе в упор. Бесит! Да пошел он... Разворачиваюсь на пятках и уже было иду к своей машине, как вдруг кто-то мягко, но уверенно хватает меня за локоть.

– Прогуляться не хочешь, Лиз? – обходит меня, чтобы встать напротив, а локоть так и не отпускает. В его пальцах чувствуется сила, хотя он совсем легко сжимает. И еще они горячие. Кожа в месте прикосновения пылает, будто там будет ожог.

– К-куда? – спрашиваю первое, что приходит в голову.

И тут же корю себя, потому что это звучит, как безоговорочное "да". А приличная девушка, коей я бесспорно являлась до этого часа, просто обязана "поломаться".

– Не знаю, – он беспечно пожимает плечами и наконец улыбается в полную силу, отчего наполовину заросшие щеки разрезают умопомрачительные глубокие ямочки, – Мы в центре Москвы, разве здесь некуда прогуляться? Погода отличная...

Отпускает мой локоть, а кожа все так же горит. Поправляет съехавшую с плеча лямку рюкзака и, засунув ладони в передние карманы светлых джинсов, выжидательно смотрит.

Меня разносит от противоречивых мыслей, мечущихся в

голове.

Вот так просто? Хотя...

Почему нет?

– Я, кстати, Саша, – добавляет мой новый знакомый, и я решаюсь. В глубине души я ведь примерно этого и хотела!

– Ладно, пошли.

2.

Погода и правда чудесная! Августовское послеобеденное солнце ласково греет макушку, душный городской воздух разбавлен зеленью щедро посаженных вокруг деревьев и доносящейся от воды прохладой. Шум проезжающих мимо машин смешивается с тихим плеском поднимающихся волн от проплывающих по Москве – реке лодок и пароводиков. И мне так хорошо, что периодически сложно удержать неспешный темп нашей прогулки, и я то и дело, пружиня в своих белых кроссовках, обгоняю Сашку и иду спиной вперед, пока с ним с болтаю. А он все так же немного снисходительно смотрит, скупно улыбаясь, хотя теперь я понимаю, что это скорее особенность выражения его лица, чем реальная эмоция.

Есть люди, когда выглядят уверенными в себе в любой ситуации и как бы чуть-чуть "выше" тебя, даже если на самом деле совсем не пытаются это транслировать. Я точно знаю, о чем говорю, – у меня папа такой же. Может именно от этого внутренне знакомого поведения моего нового приятеля я чувствую себя сейчас так легко и взбудоражено одновременно. И ноги так и норовят при каждом шаге оторваться от асфальта набережной.

– Держи, – Саша протягивает мне большой бумажный стакан капучино.

Забирает свой американо, расплачивается с уличным ба-

ристой и мы дальше бесцельно бредем по набережной Москвы-реки.

– Так значит ты не москвич? – продолжаю наш разговор.

– Уже нет, – хмыкает Сашка, отпивая кофе из стаканчика, – Но у меня осталась московская квартира, если это для тебя так принципиально...

Хитро косится на меня поверх картона, а я прыскаю со смеху.

– Оу, заманчиво, но давай уточним район и метраж! – хочу.

– А, говорят, размер не главное, – страдальчески вздыхает.

– Надеюсь, тебе лично эту утешающую сказку никогда не рассказывали, – фыркаю я, вновь забегая вперед и пятясь, чтобы видеть его лицо.

Зря. Потому что именно в этот момент в его серых глазах мелькает что-то хищное в ответ на мою двусмысленную шутку, и у меня по рукам волной рассыпаются мурашки.

– Не рассказывали. Чтобы мне такое сказать – даже близко нет оснований, – заявляет Саша вкрадчиво и отпивает кофе. Вижу, как двигается его кадык, когда он глотает.

Щеки горят! Еще и потому, что я невольно сразу стрельнула взглядом на его ширинку. Перестаю пятиться, отворачиваясь от него и иду вперед, чуть замедлив шаг, чтобы сравняться с Сашкой. Я смущена, но он либо не замечает, либо не считает нужным замечать.

– Вообще я, конечно, думал, что буду жить и работать в Москве и никуда отсюда не денусь, – продолжает мой новый приятель как ни в чем не бывало, – Увлекался математикой и физикой, мечтал поступить в МФТИ. Платное мне не грозило, поэтому приходилось много зубрить, начиная с класса пятого.

Я смеюсь, косясь на него. Такой шкаф...

– Ты не похож на зубрилу-физика, – честно признаюсь.

– Спасибо, – он коротко кланяется, – Но подростком я был достаточно щуплый, и ты бы точно поверила.

– Что? И даже в прыщах?

– Ну там чуть-чуть было, хотя мне конечно казалось, что у меня не лицо, а лунная поверхность с кратерами. В общем, надо было чем-то занять себя физически, чтобы уж совсем не быть дохляком, и я пошел в секцию по туризму в доме творчества. Ничего особенного не ждал – просто посмотреть, тем более она была бесплатной. Но вдруг затянуло. У нас был отличный тренер – походы постоянно устраивал, возил на соревнования, слеты, выбивал нам лагерь. А когда как-то зимой привез нас на Домбай на восхождение – я пропал. Ничего больше не хотел – только горы. Физика пошла лесом. И вместо физтеха я после школы уехал в Нальчик и поступил в универ там, только на тренера. Мать в шоке была. Год со мной не разговаривала.

Он беззаботно смеется, а я даже идти перестаю.

– Вместо МФТИ в Нальчик? – выгибаю удивленно брови.

– Да, – хмыкает Сашка и кладет мне руку на поясницу, подталкивая, чтобы продолжила идти.

– А отец? – интересуюсь, возобновляя шаг, – Одобрил? Все-таки как-то круто ты все переиграл...

– А с отцом у меня как-то сразу не задалось – его не было, – Саша равнодушно пожимает плечами и продолжает дальше, не акцентируя внимание на этом факте, – На самом деле я ни о чем не жалею и уверен, что правильно сделал тогда. Надо уметь слушать и слышать себя, даже когда все вокруг утверждают, что ты еще не дорос. Уже на первом курсе я устроился инструктором на горнолыжку, познакомился с местными, нашел друзей. В межсезонье и летом мне предложили водить походы. Потом как-то сами сайт сделали. Начали туры организовать. Так и пошло... И уже через пару – тройку лет мне стало казаться, что Кавказ – мой дом родной, и я жил так всегда. А Москва – просто детское воспоминание. Тем более она изменилась так, что некоторые места я и вовсе не узнаю.

– Так ты наверно покорил Эльбрус? – кокетливо улыбаюсь, отпивая капучино.

– А ты как думаешь? – шуруется, копируя мой игривый тон.

– М -м-м, а Эверест?

– Коплю, – смеется, – Попробовать не сдохнуть там – очень дорогое удовольствие.

– После такой формулировки язык не поворачивается по-

желать тебе накопить, – фыркаю я и снова забегаю вперед перед Сашкой. Легкая юбка летнего платья подлетает и мягко бьет по бедрам. Открыто улыбаясь, поправляю рыжую волнистую прядку, упавшую на лоб.

У Саши в глазах опять что-то меняется, серый цвет становится глубже, плавясь. И мне горячо просто выдерживать его взгляд, который коротко мажет по всей моей фигуре, чуть задерживаясь на юбке, подлетающей на ходу.

– А сейчас, значит, решил получить второе высшее? – откашливаюсь, чтобы сбить вдруг подскочивший между нами градус, и снова иду нормально, вровень с ним.

– Да, – Сашка немного медлит с ответом, будто о чем-то задумавшись, – Год назад мы с другом организовали. Сейчас есть шанс расшириться до гостиницы, инвестор появился, но... Мы чувствуем, что в теории гостиничного бизнеса плаваем иногда, хотя практики хоть отбавляй. Так что вот, я пошел на менеджмент, друг на юридический. Лишним не будет...

– А ты ведь еще студентка? – переводит тему на меня, – И идешь на второе. Такая умная?

Подтрунивание в его голосе мягкое, как похвала, и я довольно улыбаюсь, чувствуя, что меня погладили.

– Не то чтобы, – пожимаю плечами, – Скорее самой себе доказать... Понимаешь, меня всю жизнь так опекают. Иногда до состояния полной беспомощности... Втирают, что вся моя сила в семье и только в семье. Не знаю, непонятно говорю

наверно. Извини, не могу описать...

Смеюсь, разводя руками.

– Да нет, я понял. А это решение только твое. И заслуга будет тоже, – Сашка подносит стакан своего кофе к моему, чуть притормаживая.

– Наверно да, – киваю и мы торжественно чокаемся.

Отпиваем и продолжаем нашу прогулку. Повисает пауза. Внезапная душная неловкость накрывает, будто мы оба сказали друг другу больше, чем хотели бы сказать. От резкого сближения чуть подташнивает и кружится голова. И внутри мучительно и беспокойно. Это что? И есть "бабочки в животе"???

Жаром окатывает все тело, когда Саша неожиданно берет меня за руку, останавливая. Зачарованно кошусь на наши переплетенные пальцы и потому не сразу понимаю, что он мне говорит.

– Лиза, пойдем – нет? – повторяет Сашка громче, указывая на плавающий пирс.

Поднимаю взгляд и натыкаюсь на ряд пришвартованных водных мотоциклов.

– Э-э-э, я в платье. И вообще как-то...не планировала, – неуверенно хмурюсь.

– Ничего, там костюм дадут, – Саша уже решительно ведет меня в сторону проката.

Не знаю, что именно больше пьянит: теплое солнце уходя-

щего лета, серебристые брызги, летящие прямо в лицо, скорость и выпрыскивающийся от нее в кровь адреналин или то, как Сашка посмотрел на меня, когда я натянула обтягивающий гидрокостюм. Мне кажется, этот тяжелый оценивающий взгляд с совершенно определенным смыслом прилип теперь ко мне навсегда. И то, что мой новый знакомый в общении никаких таких намеков не делает, только еще больше будоражит. У меня будто душа расщепляется от этого скрытого подтекста. Он щекочет нервы, зажигает искорки в глазах и заставляет смеяться в два раза громче, когда Сашка в очередной раз окатывает меня брызгами с ног до головы, резко тормозя в опасной близости от моего гидроцикла.

– А-а-а! Хватит! – я пытаюсь увернуться, выкручиваю руль так, что чуть не вылетаю.

– Эй, осторожней там! Не рухни! – он только смеется, кружа рядом.

– Что не полезешь спасать?

– Может не сразу... Дам тебе шанс проявить себя!

– Чудовище! – я почти искренне возмущена, но мне все равно смешно, просто потому что адреналин и эндорфины скалят в крови.

– Я тебе сейчас отомщу! – Убираю мокрую прядку за ухо и резко стартую к нему.

Мотор ревет, ничего не слышно, но, кажется, Сашка крикнул "попробуй!" и тоже дал по газам. Гидроцикл жестко подбрасывает на воде, пульс учащается от чувства опасно-

сти. Я почти лечу, наплевав на земное притяжение! Сашку не догнать, он бесстрашней, чем я, и развивает скорость больше. Уже вдалеке показывает рукой, что пора разворачиваться и направляет свой гидрик навстречу мне. Глушу двигатель, жду, покачиваясь на волнах, когда подплывет. Дыхание частое – частое, поверхностное – будто я только что стометровку сдавала. Это от возбуждения...

Саша подруливает совсем близко, сбрасывая скорость, но в этот раз аккуратно, чтобы не обдать меня брызгами. Впрочем, зачем уже – я итак вся мокрая.

– Лиз, у нас время выходит, поехали сдаваться? – оглядывает мои мокрые волосы, вслух не комментирует, но так самодовольно улыбается!

– Дай тебя обрызгать, – облизываю губы.

Сашка выгибает бровь.

– У нас был честный бой.

– Один раз. Поддайся.

Черт знает, зачем мне это нужно, но я буквально физическую потребность ощущаю!

– Мне за это что-то будет? – в голосе прорезаются более низкие нотки.

– Просто дай, – смотрю ему в глаза.

Сашка не просто выдерживает мой взгляд, а будто еще сильно укрепляет эту невидимую связь. Так, что и не отвернуться, и не моргнуть теперь. Перестает улыбаться и демонстративно медленно поднимает ладони вверх будто сдаваясь.

Приоткрываю рот о предвкушения, внизу живота узел завязывается. Так и смотрю ему в глаза, когда прокручиваю газ, резко выворачиваю руль в последнюю секунду, и он на пару секунд просто исчезает под столпом брызг. Хохочу как ненормальная. Напряжение ухает и рассыпается разрядкой по телу, будто с парашюта прыгнула. Сашка отфыркивается, трясая головой и искоса поглядывая на меня.

– Счастлива, Лиз?

– Да!

– Значит, будешь должна.

*** Сашка легко спрыгивает на качающийся пирс, я же сползаю с гидрика как каракатица, еще и при помощи парня из проката. Буквально заваливаюсь к нему в объятия после того, как хватаю за руку. Правда ненадолго, потому что Саша обнимает меня за плечи и притягивает к себе. Где он успел раздобыть полотенце, я искренне не понимаю, но это не мешает мне покорно стоять близко – близко к нему, пока он достаточно бесцеремонно протирает мне мокрые волосы.

– Ты как после ливня, – рассеянно бормочет.

Задерживаю дыхание, ничего не отвечая. Я чувствую жар его тела, просачивающийся даже сквозь гидрокостюм, взгляд застывает на кадыке,двигающемся, когда Саша глотает. Это какое-то очень интимное зрелище. Почти такое же интимное, как прикосновение его рук к моим влажным волосам... Оживаю только через пару секунд и резко выхватываю у него полотенце, делаю шаг назад.

– Спасибо, – дальше продолжаю сама.

Сашка никак не реагирует, на то, как резво я от него отскочила. Вместо этого начинает переодеваться. Чтобы натянуть свой гидрокостюм, он снимал достаточно свободные джинсы, и сейчас я невольно подглядываю, пялясь на его крепкую задницу, обтянутую черными боксерами. Не знаю почему, но почему-то это зрелище наоборот меня расслабляет и возвращает игривый настрой. Просто он такой классный... И в его проявленной заботе ничего такого не было.

– Понравилось? – интересуется у меня, застегивая ширинку.

– Еще спрашиваешь?! Конечно! Правда, благодаря какому-то бессердечному, офигевшему гидроциклисту я – насквозь... – выразительно поправляю влажные волосы, – Но в остальном...

– Не понимаю, о ком ты.

Сашка смеется, а я продолжаю:

– Я бы еще чего-нибудь такого хотела.

– Какого "такого", Лиз? – он подходит ближе, протягивает руку и поправляет мою челку.

Медленно проводит пальцами, касаясь виска. Совсем не так, как только что, вытирая голову. Пульс моментально подскакивает, потому что... Потому что вот теперь это точно намек. И я... Я похоже хочу поддержать игру.

– Чтобы с адреналином, – прикусываю губу, встречаясь с ним взглядом, а потом хитро улыбаюсь, – И чтобы дал побе-

дить.

– Любишь побеждать? – его пальцы едва заметно дотрагиваются до моей щеки, соскользнув с виска. Легкое прикосновение, а меня током бьет.

– Как и все – получаю от этого удовольствие, – сообщаю тише, потому что голос начинает непростительно подрагивать.

У Сашки уголок губ дергается в кривой чувственной улыбке.

– Мне кажется, мы сейчас оба удовольствие получили. На таких условиях развлечение устроит, Лиз?

От двусмысленности этого разговора уши начинают гореть.

Стыдно признаться, но на самом деле я полный лузер в таком флирте! Нет, у меня были уже бойфренды, но там был откровенно начальный уровень и беседы типа " Лиза, этот букет тебе", " Лиза, пойдешь со мной в кино?", " Лиза, давай встречаться", "Лиза, если я засуну свой язык тебе в рот, мне его твой бешеный папаша потом точно узлом не завяжет?!"

О том, чтобы пихать в меня что-то повнушительнее языка, пока как-то и речи не заходило.

Вот до "сейчас"...

Я понимаю, что передо мной стоит не рафинированный однокурсник с юридического, а уже сформировавшийся мужчина как минимум лет на пять старше, и что для него такие разговоры – норма. И мне...Мне неохота сплеховать.

– Устроит – я не жадная, – я смотрю Саше в глаза и буквально чувствую, как лихорадочно светится мой взгляд от накатившего нервного возбуждения. Ощущаю себя такой смелой и дерзкой! Ух...

– Хм... – хмыкает Сашка и будто случайно качается на пятках в мою сторону.

Его губы на мгновение оказываются в миллиметре от моих. Я почти их вкус ощущаю. Терпкое мужское дыхание согревает лицо. Сердце перестает биться, и я прикрываю глаза в ожидании поцелуя. Но его не происходит. Сашка отпускает меня и лезет в телефон.

– Тогда есть у меня одна идея. Тебе понравится, Лиз. Сейчас стоняем, – роется в приложении такси.

– Куда? – хмурюсь.

– Сюрприз, – одаривает меня Саша нахальной белозубой улыбкой, демонстрируя мальчишеские ямочки.

Саша открывает передо мной заднюю дверь такси.

– Подвинься, – кивает и садится следом за мной на диванчик.

В салоне моментально становится тесно. И без того не самый большой форд фокус будто сжимается вокруг. Немного раздражающий запах засаленной тканевой обивки и резковатой елочки на лобовом перебивают принесенные нами ароматы набережной: вода, адреналин, разгоряченное тело.

Саша ни в чем себе не отказывает, широко расставляя ко-

лени и откидываясь на спинку дивана. Наши бедра соприкасаются, и я напрягаюсь, думая, отодвигаться или нет. Ногу печет будто к ней раскаленный лом приложили, но от этого внутри так приятно трепетно зудит, что я заставляю себя остаться в том же положении и, как и Сашка, сделать вид, что никакого нарушения личных границ не замечаю.

Такси трогается, кошусь на навигатор на приборной панели. Не могу разглядеть конечную точку – название какого-то ресторана наверно, но четко вижу, что удаленность 50 км!

– Так мы все-таки куда?

– Сказал же, сюрприз, – Сашка закидывает руки за голову, окончательно растекаясь по заднему сидению и еще сильнее впечатываясь в меня.

– Потерпи... – тоже косится на навигатор таксиста, – минут пятьдесят пять.

– Мы загород что ли едем?! – на последнем слове мой голос срывается вверх от накатывающей легкой паники.

Я все-таки этого бугая с хвостом в первый раз вижу! Хотя и такого симпатичного...

– Да, а что не так? Тут недалеко, – Саша вопросительно выгибает светлую бровь.

– Да просто... – развожу руками, не договаривая.

– Просто, может быть, я – маньяк? – подсказывает.

– Заметь, это ты сам предположил! – тычу в него пальцем.

– Ну можешь позвонить кому-нибудь, рассказать про экзамен и сообщить номер такси, так меня хотя бы потом по-

сдают, — закатывает глаза.

— То есть от своих злобных планов ты все равно не откажешься!

— Для этого, Лиз, ты слишком хорошенькая, — клацает зубами, будто хочет меня съесть, и я не выдерживаю и смеюсь.

Напряжение тут же спадает, мне становится абсолютно ровно, куда мы там едем. Телефон с установленной папой геолокацией у меня с собой, зарядка почти полная. Выберусь из любого леса, идя к трассе. Маньяк... Подумаешь!

Кстати, о телефоне.

В эту секунду он начинает отчаянно напоминать о себе, вибрируя в моей сумке. Копошусь с полминуты в безразмерном мешке, которому позавидовала бы и Гермiona, и выудив, наконец, гаджет, испытываю острое желание изобразить смайл "рукалицо".

Ну конечно... Кто же еще?! Папа...

Что-то мне подсказывает, что спалил геолокацию... Движение на машине в неустановленную сторону — повод для занесения минуса в личное дело.

Набираю воздух и чиркаю пальцем по экрану, принимая вызов.

— Да, привет.

Отлично, Лиза. Звучишь — невинней некуда. Будто только что вышла на поляну с лесными зверями ромашки собирать.

— Куда едешь? — басит отец с ходу.

Ни "привет, Лисён", ни "как экзамен, Лисён", а вот сразу

"куда едешь?". Причем в переводе с папского – это "куда ты, твою мать, едешь в сторону Одинцово – я прямо сейчас слежу за точкой на карте".

Давя внутренний протест, я сжимаю зубы так сильно, что челюсть начинает болеть! С папочкой нельзя ругаться – будет хуже. Папочку можно только любить, обожать и умасливать...И вот, стекая по этому маслу, получать все, что хочешь. Это я поняла еще примерно в года три.

Закатывая глаза и тря переносицу, щебечу сладкую ложь.
– Да к подружке на дачу. После экзамена встретились в универе. Вот – пригласила...Я к ночи буду уже дома, пап!

Кошусь на Сашку с немым вопросом "Ведь буду же, да?". Он никак не реагирует, только внимательно за мной следит с раздражающей ироничной улыбкой.

Ну да...Я в курсе, что мне двадцать, и что как-то пора бы уже не отчитываться.

– Подружка? Что за подружка? Я ее видел? – ведет допрос бдительный родитель.

– Да такая светленькая, высокая, вечно с хвостиком...– придиричливо оглядываю Сашку, выбирая те его характеристики, которые подошли бы и женщине, чтобы лишний раз не врать, – Сашей зовут. Нет, ты не видел, наверно. Она не из моей группы.

Сам Сашка начинает тихо ржать, приложив кулак к губам и сверля меня горящим взором исподлобья. Уверена, если бы он познакомился с отцом, ему бы было не так смешно.

– Хм... – папа делает паузу, видимо, перебирая в голове всех моих девчонок.

Потом, сдавшись, спрашивает сакральное:

– Она – хорошая девочка?!

На этой фразе мой взгляд непроизвольно прикипает к ширинке соседа по заднему сидению. И там прямо... что-то есть, да. По телу прокатывается волна смутно – тягучего тепла.

– Да ничего такая, – бормочу рассеянно.

Поднимаю глаза выше и натыкаюсь на Сашкину чувственно-самодовольную улыбку, дающую мне понять, что разглядывание ширинки кое-кто заметил. Щеки опять обжигает. Быстро отвожу взгляд.

– Я, кстати, кажется сдала, – нервно тараторю в трубку, уводя отца от опасной темы, – И я маме забыла позвонить! Скажи, что наберу попозже, ладно?

– Да, забыла, я потому и звоню, дочь, – смягчается отец, – Сдала – молодец. Ты у меня умница.

– Спасибо, папуль! Слушай, мне неудобно сейчас говорить... Вечером перезвоню.

– Хорошо, только не забудь! Мать ждет. И повнимательней там! На даче...

– Пап, ну конечно! Люблю, пока!

– И мы тебя, Лисен. Отдыхайте... Только прилично!

Кладет трубку. Выдыхаю, откидываясь на спинку дивана. Ну... нормально прошло!

– Папина дочка, значит? – хмыкает Сашка снисходительно.

– Да.

Почти час в машине пролетает как пять минут, хотя мы даже особо не разговариваем. Присутствие третьего – таксиста сковывает язык, но обостряет ощущения от постоянных, будто случайных прикосновений. Будто, потому что я не настолько наивна, чтобы не понять, что Сашка делает это специально. Специально просит сделать музыку громче и одновременно закидывает руку на спинку пассажирского сидения мне за спину, отчего по волосам проносится электрический разряд и мурашки покрывают затылок. Специально еще минут через пять рассеянно наматывает мою прядь на палец. Я протестующе дергаю головой, и он поворачивает ко мне лицо. Взгляд поплывший. Такой откровенный, что я забываю, что хотела сказать. Облизывает губы, смотря на мои.

– Что? – вопросительно выгибает бровь.

– Нарушаешь мои границы, – улыбаюсь, косясь на намотанную на пальцы прядь.

– Извини, Лиз, – без тени сожаления. Отпускает волосы, но руку со спинки дивана и не думает убирать. Я все равно ее остро чувствую!

– Забылся, – уже более легким тоном, – У тебя очень мягкие волосы.

Вдруг подается ко мне и зарывается носом в макушку,

шумно вдыхает.

– И пахнут – отпад. Вкусно.

Снова улыбается, отклоняясь.

– Соблазняешь? – теперь уже я скептически выгибаю.

– Соблазняюсь, скорее, – слепит белым рядом зубов.

– Мы ведь просто гуляем, да?

Закатывает глаза и убирает руку.

– Не загоняйся, Лиз!

Я продолжаю пылливо смотреть на него, и Сашке придется продолжить, издав перед этим недовольное "Пф-ф-ф".

– Да, ты мне нравишься. Ты – красивая девушка, почему нет? – смотрит прямо в глаза, – И мне кажется, я тебе тоже. Но это ни к чему не обязывает ни тебя, ни меня, да? Мы просто едем на турбазу покататься. Ты сама хотела...

– Покататься? – удивленно повторяю, – Где? На чем???

– Я хотел сюрприз, – недовольно шипит Сашка на это.

И мне так становится стыдно, за свою внезапную паранойю. Это все папино влияние! Его послушать, так весь мир только спит и видит, как меня чести лишить.

– Девушка, если переживаете, то от себя могу добавить, что у молодого человека рейтинг пассажира – твердая пять, – вдруг встречается в наш разговор дяденька – таксист.

Саня на это беззвучно угорает, играя бровями, а я, смущенная, прячу в ладонях лицо. Боже, и правда, ну вот чего я. Мне ведь правда хорошо! Саша пихает меня в бок, мол,

ничего страшного – просто отпусти! И я окончательно отпускаю. Это может вообще один из самых запоминающихся дней в моей жизни будет! Шутливо пихаю в ответ его, вновь впадая в игривое настроение. Он меня в ответ. И так мы, пыхтя и смеясь, молча перепихиваемся до самого пункта назначения.

Сашка не обманул – таксист действительно высадил нас около турбазы где-то в Одинцовском районе. Вокруг одни ели, коттеджный поселок где-то на самом горизонте вдалеке, а здесь забор, КПП, стильная вывеска и чаща. Все. Будто мы на сотню километров уехали минимум, а не на пятьдесят. Солнце уже начало закатываться, краснея и цепляя верхушки деревьев. Лес казался черным.

– Пошли? – Саша протягивает мне руку, поправляя рюкзак на плече.

Я вкладываю свою ладонь в его. Внизу живота горячо поджимается. У него большая ладонь, теплая, жесткая. Кровь будто накаляется в руке и бежит разгонять жар дальше по телу. Сашка машет охраннику в будке и ведет меня мимо шлаббаума внутрь территории. Она оказывается достаточно большой, но сложно оценить из-за обилия сосен.

Центральная аллея ведет к двухэтажному главному корпусу в немецком стиле, в глубине за ним виднеются отдельные домики с коваными мангалами около каждого крыльца, слева деревянная детская площадка и небольшая веревочная трасса. Вдали же меж деревьев мелькает серебристая полоса

какого-то водоема и слышны приглушенные веселые голоса.

Пока идем туда, вдоль дорожки загораются фонари, потому что темнеет прямо на глазах – быстро. Нос все сильнее щекочет характерный запах шашлыков. Взрывы смеха, шум каких-то двигателей громче. Обходим главный корпус, за которым оказывается большое, круглое озеро с длинным пирсом, около которого пришвартованы лодки, пара катеров, штуки четыре гидроциклов. На нашем берегу оборудован песочный пляж с кабинками и столиками для компаний. Многие заняты, мангалы дымят. Около пирса и вовсе толпа, так как там очередь кататься на...

Я охаю, когда понимаю, куда меня Сашка притащил. А он, коротко усмехнувшись, крепче сжимает мою ладошку и уверенно тащит на пляж.

– Ну вот у меня так же получится! – тычу пальцем в девушку, которая, вместо того, чтобы эффектно рассекать за катером по волнам на доске, беспомощно тонет каждую секунду, – Дурная... Дурная идея!

Мне эту девушку так жалко становится, и одновременно наблюдать за ее барахтаньем немного смешно.

– Не пробовала ни разу? В первый раз да, так и получится, – спокойно сообщает Саша, даже не пытаясь меня поддержать, – Но я верю в твой...

Замолкает, хитро косясь на меня.

– Второй? – с надеждой подсказываю.

– Десятый. Или одиннадцатый... – смеется, – А-а-ай!

А это уже потому, что я от души пихаю его в бок.

– О, Бук, здоров! – какой-то лысый мужчина лет тридцати в смешных гавайских шортах начинает нам махать, отделившись от толпы на пирсе, – Ты ж сказал, не приедешь.

Протягивает Саше руку.

– Да планы поменялись, – Сашка крепко пожимает его ладонь, они хлопают друга по спине, – Вот решил заглянуть... Алик, это Лиза. Лиза – Алик, мой друг и хозяин этой базы.

– Привет, – мужчина салютует мне, разглядывая с нескрываемым любопытством.

– Приятно познакомиться, – киваю.

– Алик, мы покататься хотим, – тут же переходит к делу Саша, по-хозяйски кладя руку мне на поясницу и притягивая к себе, – Лиза на вейке не умеет. Вот, просила научить.

– Не просила, – беззвучно шиплю, чувствуя, как его пальцы рассеянно гладят мою спину. Обжигают через ткань. Сашка только криво улыбается и подмигивает, чуть склонив ко мне голову.

– Покататься – это без проблем! Домик надо? На ночь останетесь? Там пятый свободен.

Повисает тягучая пауза, Саша моргает, его пальцы крепче сжимают мою талию и отпускают.

– Пока не надо, нет, – обрывает он глуше и убирает руку, – Лизе к ночи надо домой.

– Как хотите. Пойдемте, все дам.

– О-о-о, – я с протяжным стоном вытягиваюсь на лежаке.

Мышцы сладко ломит из-за полученной нагрузки, кончики пальцев характерно зудят после перенапряжения, и тело буквально подкидывает на адреналиновой легкости, какая бывает от интенсивной тренировки. Завтра я наверно буду сползать с кровати, как паралитик, не в силах пошевелить ни одной конечностью, но сейчас мне взлететь охота!

Еще и от того, что я смогла!

И даже не с десятого раза, как предположил мой скептически настроенный тренер, а с шестого. И дальше был чистый кайф! Чувствовать упругую силу воды всем телом, ловить момент, ощущать каждую свою клеточку, скорость и брызги в лицо – это всё...такое!!! Меня на части рвёт до сих пор от распирающей эйфории. И, несмотря на усталость, на лежаке сложно оставаться неподвижной. Пульс частит и требует действий, тело нервно горит.

– Держи, – на соседний лежак опускается Сашка, протягивает мне порцию шашлыка на пластиковой тарелке.

– Спасибо, – принимаю, улыбаясь.

Мне сейчас в принципе тянет улыбаться, а ему особенно. Чувствуется, что Саша – инструктор. Он буквально парой фраз смог объяснить, как пользоваться своим телом даже такому профану, как я. А что уж он сам умеет – это...Кусаю губу, отводя взгляд, потому что боюсь, что в нем слишком светится мое восхищение, и сажусь, скрестив ноги по- турецки.

Юбка чуть задирается при этом, но сейчас уже темно...

– Точно за стол не хочешь? Алик зовет, – Сашка тем временем сосредоточенно возится с бутылкой красного вина.

– Я не хочу, но если ты хочешь, то пошли, – пожимаю плечами, прежде чем отправить первый кусочек шашлыка в рот.

Сочное жареное мясо касается языка, и я на мгновение блаженно жмурюсь. Оно божественно. Как и все в этом вечере.

Мир вокруг настолько идеален, что я теряю ощущение реальности происходящего.

Мягкий августовский вечер, пропитанный хвоей воздух, босые ноги только что утопали в песке маленького уютного пляжа, сверчки стрекочут, за спиной горят костры, люди смеются, музыка, прохлада от воды ласкает лицо, тело приятно разбито после катания и... Сашка напротив так смотрит, что его серые глаза чувственно мерцают даже в темноте.

– Нет, я тоже к ним не хочу, – качает он медленно головой, наблюдая за тем, как я облизываю испачканные мясным соком пальцы.

Протягивает мне пластиковый стаканчик с вином. Делаю глоток. Сладкое, крепкое, ароматное. В груди тут же растаеется тепло. Саша смотрит, как я глотаю, и только потом отпивает из своего стаканчика, не отводя глаз. Он выглядит серьезным напряженным, совсем не таким, каким был весь день. Этот Сашка вдруг другой... Меня от этого коротит.

Уже поздний вечер. И мне наверно пора, и мы оба знаем это. Но вслух я говорю совсем о другом:

– Почему Алик называет тебя Бук?

– А...это с детства еще. Из – за фамилии, – Саша скупно улыбается, катая стаканчик с вином между ладоней.

– М, вы знакомы с детства?

– Он – сын моего тренера.

– А-а-а.

Разговор прерывается. Повисает пауза. Мы просто смотрим друг другу в глаза. В полумраке и после пары глотков вина это сделать легче... Его взгляд соскальзывает вниз и застывает на моих губах. Непроизвольно их облизываю, и Саша на автомате повторяет за мной. Сердечный ритм ускоряется, отдаваясь в ушах.

Это произойдет сейчас...Сейчас.

Это так очевидно и естественно, что я совсем не удивляюсь, когда Саша подается со своего лежака ко мне и касается губ губами. Этот день просто не мог завершиться иначе. И я ждала. И мне хорошо, хоть и сердце готово в горло выпрыгнуть. Его губы мягкие и теплые. Дыхание горьковатое, остро мужское, вкус слюны подслащен ж десертным вином. Он сначала легко целует, почти не давя, будто прислушиваясь к моей реакции, а потом уже настойчиво толкается мне в рот языком. И у меня воздух из легких вышибает. Он делает это слишком уверенно и просто. Без волнения, без трепета, без переживаний. Без лишних рефлексий крепко перехватывает

ладонью мой затылок и хозяйничает языком у меня во рту. Так не целуют девушку на первом свидании, так целуют девушку, которую через пять минут трахнут...

И самое жуткое, что меня буквально размазывает от этого. Меня никогда никто так не целовал. Чувствую себя беспомощной резиновой куклой, которую готовят к использованию, но между ног так горячо. Я до этого не понимала слова "брат". Что-то жалобно мычу Сашке в рот, но даже мне самой в этом жалком звуке слышится не протест, а приглашение.

И он уже укладывает меня на лежак, продолжая жадно целовать и царапая щетиной мои щеки и подбородок. Упираюсь руками в мужскую грудь – в ладонь остервенело стучит Сашкино сердце. Надо бы оттолкнуть, но выходит лишь намертво вцепиться в его черную майку. И, только когда Саша без лишних церемоний ныряет рукой мне под юбку и отодвигает влажную полоску трусиков на промежности, я нахожу в себе силы его отпихнуть.

– Нет, – сиплю, толкая его в корпус, – Не надо!

Он озадаченно моргает. Взгляд шальной.

– Что? – немного зло. Искренне не понимает, что не так.

– Саш, я не хочу. Мне вообще домой пора, – бормочу, сгорая от смущения.

– Так... – он трет лицо, склонившись и уперев локти в колени.

Секунды мучительно текут. Кожей ощущаю, с каким тру-

дом Сашка переключается. У парней это называется "динамо", да?

Наконец поднимает на меня тяжелый, но уже вполне спокойный взгляд исподлобья.

– Хорошо, – складывает ладони лодочкой и прижимает их к губам, – Давай тогда вызову нам такси. Тебе куда, Лиз, говори.

Садится ровнее и достается из кармана джинсов телефон. Тут же начинает в нем рыться, щурясь от яркого света экрана.

– Ты не останешься?

– Нет, – рассеяно, не смотря на меня, – Я с тобой приехал. Да и что ты одна поедешь так далеко. Поздно уже...

Говорю адрес, прикусывая щеку. Вбивает...

Наблюдаю – сижу за ним украдкой, пока Саша возится с приложением. Он такой классный в подсветке телефона, что мне глаз не отвести! И плакать вдруг хочется от смутной обиды.

Все? Мы домой???

Я не хочу наверно... Я не помню, чтобы мне кто-то хоть раз так с первого взгляда понравился! И со второго, и с третьего тоже...

– И даже настаивать не будешь? – нервно улыбаюсь, – Ты прямо рыцарь, Саш.

Он быстро поднимает на меня взгляд, от которого невольно снова хочется обнять себя.

– Нет, Лиз, – вкрадчиво и тихо, откладывая телефон, – Но мы загородом в незнакомом тебе месте в компании мужиков – моих приятелей. Я не рыцарь, но я не собираюсь тебя до смерти пугать. Что наверно произойдет, если буду настаивать.

Криво улыбается и в глазах мелькает тягучее что-то.

– Но, не будь мы тут, я бы тебя не отпустил.

– И где бы не отпустил? – облизываю губы, – Например?

Сашка хмыкает, улыбаясь шире.

– Если бы мы, к примеру, среди твоих друзей сидели или родственников. Ты бы чувствовала себя в полной безопасности, а я бы, – подается ближе, сверкая глазами, – лапал тебя прямо под столом, пока ты бы сама меня куда – нибудь не увела.

– Самоуверенный пошляк, – фыркаю нервно, зеркала его улыбку и смотря на губы.

– Самоуверенный – почти всегда. Пошляк – только из- за тебя, – бормочет он, тоже смотря на мои.

Зависаем в нескольких миллиметрах друг от друга. Так близко, что дыхание смешивается. Мне на затылок давит невидимая сила – будто в меня встроен магнит, и он вынуждает наклониться. Удержаться физически тяжело. И я поддаюсь, первой тянусь к его приоткрытым губам, чтобы поцеловать. К черту такси это...

3.

Сашка довольно выдыхает, порывисто сгребает меня в охапку, и я оказываюсь на нем сверху, крепко обхватывая коленями мужские бедра. Одна его рука вжимается в мой затылок, не давая отклониться от стремительно углубляющегося, развязного поцелуя, а вторая с талии перемещается ниже и комкает, задирая, юбку летнего платья. От ощущения, как его пальцы мнут, изучая, мои ягодицы, я вся начинаю гореть. Это слишком! Слишком быстро, слишком напористо... Меня коротит от неуверенности и желания его осадить с одной стороны и парализующего ощущения, что я хочу продолжить.

Да и что я скажу? Поаккуратней, ты у меня первый???

Я почти уверена, что на этом наш вечер тут же закончится.

Нет, не потому, что Сашка какой-то рыцарь, серьезно относящийся к девственности. А потому что он решит, что к ней серьезно отношусь я и буду считать, что это его к чему-то обязывает.

А я...

А я вот наверно несерьезно к ней отношусь, несмотря на все, что мне вбивали в голову двадцать лет до этого, потому что между "признаться" и "промолчать" я выбираю второе.

Поэтому нет ничего удивительного, что язык Сашки чувственно хозяйничает у меня во рту, порождая внизу живота

тягучую требовательную тяжесть, а ладонь уже забирается в трусы и сминает попку.

Саша уверен, что я испытываю тоже, что и он. Отношусь к этому так же. Просто встретились два человека, понравились друг другу, провели отличный день, а теперь хотят переспать, потому что "а почему бы и нет". В каждом его жадном касании, движении, сердечном ритме я ощущаю этот послыл: "Зачем загоняться? Нам же хорошо".

Я и поддаюсь – я не загоняюсь.

Кто сказал, что я должна сначала дожидаться каких-то серьезных обещаний, гарантий, определенного, решительно настроенного парня. Я хочу с ним, почти незнакомцем. Сейчас. И пусть за этим, кроме внезапно вспыхнувшей симпатии ничего не стоит. Зато она такая сильная, что я вся дрожу от его касаний.

Но все же, когда ощущаю, как Сашкины пальцы проходят между ягодиц и достают до влажных складок, я в легкой панике застываю. Даже вздохнуть не могу. Пальцы путешествуют дальше, толкаются внутрь, грубоватые, слишком твердые, отчего внизу простреливает саднящим болезненным ощущением. Я шиплю Сашке у губы, и он прикусывает мой язык, поглаживает внизу, трогая.

– Тесная какая, – бормочет хрипло мне в рот.

Отстраняется, убирает руку. Взгляд у него совершенно пьяный. Такой, что и меня окончательно ведет.

– Пойдем, – встает прямо вместе со мной с лежака.

Пару секунд не отпускает, снова целует жадно, толкая язык в рот, и только потом ставит на песок и крепко берет за руку.

Бреду за ним к компании Алика, пошатываясь от эмоций. Взгляд упирается в широкую мужскую спину, обтянутую черной футболкой. Сердце бешено бьется о ребра. Не спрашиваю, куда мы идем, – итак знаю. За ключами от какого –нибудь домика...

Сашка отпускает мою руку и подходит к Алику, что-то тихо говорит ему, поглядывая то на меня, то на остальных ребят. Алик хлопает его по плечу и машет в сторону гостиничного комплекса. Пожимают друг другу руки. Сашка снова подходит ко мне, крепко перехватывает мою ладонь и молча ведет к главному корпусу. Заходим внутрь. Тут небольшое фойе с лобби баром, в центре одинокая стойка рецепции, за которой сидит приятная женщина средних лет с короткой мальчишеской стрижкой.

– О, Санечка, привет, – машет она, увидев моего спутника.

Тут же опускаю голову пониже и немного прячусь за Сашкиной широкой спиной. Не хочу, чтобы представлял сейчас – она ведь поймет куда и зачем мы идем. Мне и без осуждения в чужих глазах страшно.

– Нин, привет, ключи от свободного номера можно, – Сашка и не представляет.

Опирается о стойку рукой и нетерпеливо постукивает по

ней пальцами. Сжимает мою влажную ладонь крепче, когда женщина протягивает ему магнитную ключ-карта.

– От шестого, Саш. На первом этаже, направо.

– Спасибо.

Уводит меня в боковой коридор. Здесь тихо, картины висят на белых стенах, звук шагов приглушает ковер. У меня ноги подкашиваются. Может сбежать???

Но Сашка уже прикладывает карту к замку. Щелчок и дверь приоткрывается. Сашка поворачивается ко мне, бросает пыливый взгляд, будто ему нужно удостовериться, что я точно "за". На влажных от поцелуев на пляже губах мелькает довольная улыбка, и он крепко обнимает меня, утягивая в номер.

Все, теперь мне поздно рассуждать. Его руки, губы буквально везде, горячее дыхание влажными ожогами оседает на коже, платье слетает на пол раньше, чем я успеваю что-то понять. Неуклюже толкаемся в темноте, стукаясь о стены и мебель, пока добираемся до кровати. И только мои икры упираются в нее, как Сашка толкает меня на матрас. Рывком через голову стягивает с себя футболку, вжикает молния на джинсах. Инстинктивно отползаю подальше от него, комкая под собой застеленное одеяло. Избавившись от штанов и оставшись в одних боксерах, Саша становится коленями на кровать, нависая сверху. Его физическая, мужская сила сейчас ощущается как мощное поле, пытающееся размазать меня по постели. Вижу в полумраке, как Саша тянется

к ночнику.

– Не надо, – тихо протестую.

При свете делать это... Я просто умру!

– Почему? Я хочу тебя... НАС видеть, – у него такой голос сейчас.

Вибрирующий, низкий. Что у меня затылок начинает покалывать.

– Пожалуйста... – повторяю.

Разочарованный вздох, но свет не включает. Вместо этого хватает меня за лодыжки и рывком подтягивает к себе. Охаю, а он уже ложится сверху, вдавливая своим немаленьким весом в кровать.

Вздохнуть почти невозможно, и так от него жарко. Но все это перекрывает парализующе острое ощущение чужого голого тела, так сильно прижимающегося к тебе, что, кажется, вы способны стать сиамскими близнецами. Внутри зарождается странная, незнакомая мне раньше потребность быть еще ближе, до зуда в кончиках пальцев, до непроизвольного сокращения мышц. Слиться, пустить, попробовать на ощупь, вкус, чтобы насквозь пропитаться другим человеком. Это что-то такое первобытное, ошеломительное, что мозг окончательно убирает лампочки «стоп», я и крепко обнимаю Сашу за шею, закидывая ноги ему на бедра, чтобы сильнее прижать к себе.

Саша упирается локтями в матрас, обхватывает ладонями

мое лицо и целует в беспомощно приоткрытые губы. Я с трудом отвечаю, жмурясь, потому что все мои ощущения сейчас сосредотачиваются гораздо ниже. Там, где он инстинктивно вжимает свои бедра мне между ног и трется об меня, ритмично подаваясь вперед. Даже через хлопок нашего белья это так нестерпимо горячо, что, мне кажется, я сейчас задымлюсь! Сама не понимаю, как это происходит, но дыхание очень быстро трансформируется в тихие, будто хныкающие стоны, приглушенные поцелуем. От этого мало знакомого звука мурашки по рукам бегут словно озноб и странная слабость разбивает. Будто пьяная... Мир кружится под дрожащими веками все быстрее и быстрее.

Саша отпускает мои губы и влажно, проходясь по коже языком, целует в шею, ключицы, ведет дорожку к груди. Нервно зарываюсь пальцами ему в волосы, когда его губы накрывают сосок и мягко сжимают. Нервозность опять нарастает во мне, начинает слегка колотить. Тем более, что мужские ладони в это время мнут мои бедра, постоянно притягивая их поближе к себе. А когда Сашка ведет губами по моему животу еще ниже, из меня будто выбивают весь воздух.

– Саш... – сиплю.

– М? – рассеянно. Он уже тянет по ногам мои трусики.

Я теряюсь – не знаю, что именно сказать. Да и голос окончательно садится от жгучего смущения, когда он целует в за-сос мой лобок, одновременно погружая внутрь пальцы. Все, что могу, это вцепиться ему в волосы, кусая губы. Сашка

целует чуть ниже, прямо в пульсирующую между складок точку, и меня непроизвольно, с тихим стоном выгибает. Каким-то шестым чувством понимаю, что он улыбается в этот момент. Кладет ладонь мне на живот, придавливая к кровати, чтоб не дергалась, и продолжает. Продолжает, продолжает, продолжает...

Лицо полыхает сначала от накатившего стыда, а потом...

Я трогала себя до этого и у меня даже были оргазмы, но ощущения, которые поглощают меня сейчас, острее в миллион раз.

Между ног словно расплавленной смолой все залили. Мокро и обжигаете горячо. Бедра немеют и низ живота тяжело, требовательно пульсирует. Внутри будто зудит. Так сильно, что я не могу удержаться на месте – ерзаю, жалобно постанывая. То пытаюсь убежать от мужских пальцев и губ, то наоборот подаюсь ближе и прижимаю его голову к себе. А еще я чувствую, как под моей закинутой сверху ногой ритмично напрягается его правое плечо, потому что он гладит себя, пока делает это. Слышу, как отрывисто дышит прямо мне промежность, и от этого всего еще горячий. Расслабиться до конца, отпустить себя не получается – мне слишком нервно от того, что будет дальше. Но удовольствие копится в теле нервным, тягучим комком.

Наконец Сашка отрывается от меня. Приподнимается и крепко целует в губы. Во рту разливается вкус собственной смазки. Его пальцы так и ходят во мне, заставляются бедра

непроизвольно выгибаться. Цепляюсь за его плечи, когда он отстраняется и пытается встать с кровати.

– Да я за резинкой, – хмыкает Сашка хрипло.

Моментально вся покрываюсь мурашками. Кожу холодит, стоит ему отойти, выделившаяся влага между ног ощущается, как что-то совсем пошлое. Сердце подступает к горлу и яростно колотится там, не желая занимать отведенное анатомией место. Саша роется в джинсах, валяющихся на полу и, выпрямившись, спокойно снимает приспущенные боксеры, даже не думая меня как-то стесняться и отворачиваться.

В комнате темно, но глаза уже привыкли, и я прекрасно различаю его стоящий член, будто чуть подрагивающий под моим впившимся в него взглядом. Я хочу хотя бы моргнуть и не могу. То, как самодовольно раскатывает по стволу резинку, наверно самое завораживающее в мире зрелище. От нервного перевозбуждения хочется хоть чуть-чуть разрядить обстановку и попытаться пошутить. Но у меня так пересыхает в горле, что, кажется, вместо слов, я просто каркну.

Закончив, Сашка снова нависает сверху, целует меня, глубоко в рот толкая язык и находя мой. Коленом расталкивает мои бедра, пока я царапаю ногтями его живот и бока. Подхватывает меня под колени, чуть прижимая их к животу и разводя шире, толчок бедрами раз, два... Я всхлипываю, чувствуя, как головка трется о клитор, надавливая. Вцепляюсь в Сашкины волосы на затылке и, кажется, перестаю дышать, когда член соскальзывает ниже и входит в меня. Между ног

моментально жжет, будто перцем намазали. Я шиплю, сквозь зубы, разрывая поцелуй и откидываясь на подушку. Сашка толкается глубже.

– Ты чего так сжимаешь? Пусти, – неразборчиво бормочет, обхватывая одной рукой мою голову, а второй крепко удерживая за бедро, – Вот та-ак...

Плавно и размашисто толкается до конца, а у меня аж слезы выступают. Между ног горит. Он снова двигается, и еще раз, глубоко сразу, хоть и медленно. Меня будто растягивают под себя, и это какое-то непередаваемое ощущение. Не больно, нет. Но дико странно, и дико жжет. Он такой горячий внутри, двигается...

Я делаю первый судорожный вдох только через полминуты. По всей нижней половине гуляет крупная дрожь. Сашка немного ускоряется, по комнате кроме нашего сбивчивого дыхания начинают все сильнее разноситься влажные шлепки. Сашка беспорядочно целует мое запрокинутое лицо, касается влажных от пролившихся слезинок висков губами.

– Лиз... Все хорошо? – хмурится, чуть тормозя.

– Да, хорошо. Хорошо... – шепчу и нахожу его губы, сама целуя.

Мне и правда уже хорошо. Странно, но хорошо...

Ощущение жжения и неестественной растянутости никуда не делось, но оно так невыносимо сладко сплетается с этим жарким требовательным зудом во мне. И его член... Меня будто изнутри разжигают. Тела становятся влажными,

скользят друг по другу, слипаясь. Беспорядочные слепые поцелуи приоткрытыми губами. И ритм все резче, отчего низ живота, напрягаясь, начинает дрожать.

Сашка немного меняет позу, упираясь коленями в матрас и поднимая вверх к себе мои бедра, из-за чего приходится крепко обхватить ногами его поясницу и раскрыться сильнее. Рваные толчки становятся глубже, чуть больно опять, но сейчас от этой боли по нервным окончаниям ток бежит и дыхание срывается в горле. Обнимает мою голову, целует куда-то за ухо, двигается все резче. Так, что кровать глухо стучается о стену, непроизвольно впивается пальцами в мое бедро, насаживая на себя, а потом с хриплым выдохом замирает.

И я ощущаю, как дергается во мне член, кончая. Широко распахиваю глаза, устремляя невидящий взгляд в потолок. Меня мелко колотит. От пережитых ощущений, от не выплеснутого до конца возбуждения, от смущения в конце концов... Сашка находит мои губы, мягко целует, лениво двигая языком, и скатывается с меня. Садится на кровати, отточенным движением стягивает презерватив и кидает его маленькую урну за прикроватной тумбочкой. Наблюдаю за ним, кусая щеку. От Сашки парит ощущением, что ему все в кайф, ему хорошо.

А я... я растеряна.

Мне понравилось, но именно сейчас где-то в душе зреет смутная обида, что это все точно несерьезно. Что я, без ва-

риантов уже, запомню эту ночь на всю жизнь, а он возможно забудет, как меня зовут, через неделю. И от того, что кроме себя, винить мне в этом некого, только еще хуже! Да, это нелогично, но логика меня покинула еще с утра.

Сашка тем временем перекачивается на бок, подкладывает руку мне под голову, притягивая к себе, и фырчит ежиком в ухо. Отвлекаюсь тут же, захохотав. Пальчики неуверенно проходятся по его безволосой широкой груди, прижимаю ладонь к колотящемуся сердцу, трогаю напрягающийся от касаний плоский, твердый живот. Саша находит мои губы, и мы снова целуемся. Мягко, никуда не торопясь. Сначала... Потому что постепенно Саша становится требовательней, а мне в живот начинает упираться твердеющий член. Горячая ладонь с моей талии перемещается на бедро, а потом и вовсе ныряет между сведенных ног.

– Дай еще потрогаю тебя... – бормочет мне в губы.

– Только потрогаешь? – хихикаю нервно, уворачиваясь, – Нет, я лучше в душ...

Промежность до сих пор немного жжет, кожу между ног стягивает от засыхающей влаги, а еще я переживаю, нет ли следов того, что это мой первый раз. Признаться в этом «после» по мне еще ужаснее, чем «до»! Потому пытаюсь отползти от него, выпутываясь из объятий, но Сашка не дает, с наигранным рыком перехватывает за талию, переворачивает на живот, вжимая в матрас, и смачно шлепает по ягодице.

– А-а-а, убивают! – смеюсь, за что получаю по второй по-

ловинке.

– И это называется «только потрогаю» ?! – возмущаюсь, поворачивая голову назад и пытаюсь привстать с живота.

– Я же не сказал, чем «потрогаю», – мурлычет мне в ухо, наваливаясь сверху, – Давай еще, а потом в душ.

4.

Стандартная мелодия чужого телефона настойчиво прорывается сквозь крепкий сон. Я хмурюсь и сильнее вжимаюсь носом в Сашкину грудь, неосознанно пытаюсь уйти от раздражающего звука.

– Да бл..ть, – хриплое бормотание у меня над головой. Тело под моей щекой двигается, Сашка дотягивается до звенящего на полу телефона, – Ну что ему еще...

Меня аккуратно кладут на подушки. Матрас прогибается, когда Саша встает. Отворачиваюсь, зарываюсь с головой в одеяло. Не знаю, который час, но, судя по серости вокруг, утро только начинается. Практически сразу проваливаюсь обратно в вязкую, сладкую дрему. Будто с другой планеты доносится шорох одеваемых Сашкой джинсов, его раздраженное "да" в трубку.

– Я загородом... Нет, не могу!... Потому бл...!!! – тихо ругается с кем-то.

Хлопает дверью балкона – теперь слов совсем не разобрать. Все-таки чуть приподнимаю одеяло, чтобы попытаться его разглядеть. Сашкин силуэт угадывается за белым тюлем в проеме чуть отодвинутой портьеры. Он слушает кого-то в трубке, раздраженно растирая переносицу, сжимает ее, откидывая голову назад, отчего на шее четко прорисовывается кадык, а затем отходит вглубь балкона и исчезает

из моего поля зрения. Теперь только приглушенный тембр его голоса доносится до меня отрывистыми неразборчивыми словами.

Прикусив губу, снова ныряю под одеяло. Улыбка так и расплзается по лицу. Перед глазами мелькает обрывками вчерашняя ночь, и я, не выдержав, беззвучно кричу, засучив ногами. Это было... Что-то!!! Я теперь женщина, да? Женщина-женщина-женщина... А-а-а-а!!!

Я до конца не верю, что это все со мной было! Еще вчера утром ничего не предвещало, так сказать... Но как тут не поверить, когда я лежу абсолютно голая, между ног до сих пор странно поднывает, а по балкону расхаживает наполовину обнаженный мужчина. И он наверно сейчас вернется ко мне, и опять... Лицо жарко вспыхивает, прикрываю глаза, непроизвольно провожу рукой по своей груди, задевая мягкие соски, глажу живот, трогаю себя ниже. Дыхание сбивается от того, что я слишком хорошо помню, как это же делал он, и насколько по-другому это воспринимается. Переворачиваюсь на живот, не убирая руку, ерзаю по простыни, крепче закрывая глаза. Внутри все сжимается от предчувствия, что Сашка сейчас зайдет и отбросит одеяло, и увидит меня такой... И возьмет, как тогда, во второй раз. Низ живота стремительно наливается тяжестью, складки влажнеют, раскрываясь, под моими пальцами. Мне очень понравилось во второй...

Разгоряченное после первого раза тело сразу подстрои-

лось под более жесткий, размашистый ритм. Ощущение его рук, то крепко удерживающих меня за поясницу, то давящих на лопатки, чтобы выгнулась сильнее для него, было каким-то особенно чувственно – пошлым. Даже сама поза на четвереньках воспринималась гораздо более острой. Или это у меня в голове просто все «стопы» перегорели окончательно... А когда Сашка перехватил мои запястья, заводя руки за спину и крепко удерживая так, меня почему-то окончательно унесло.

Это было так хорошо, что даже больно. Будто током насквозь прошло. Тело перестало слушаться, меня затрясло. Саша хотел дальше, но я просто не могла. Меня болезненно выгибало от каждого его толчка, и хотелось просто тихо умирать в этом экстатическом мареве. Когда он понял, что я больше не хочу, и подтянул меня за волосы к своему паху, я вообще мало что соображала. Лишь где-то в глубине мелькнула вялая мысль, что я ведь ни разу не делала минет. А если у меня не получится?

Снятый презерватив полетел куда-то на пол. Влажная поддрагивающая головка коснулась губ, раздвигая. Сразу толкнулась глубже в рот. Давление руки на затылок. Во рту кисло-пряный наш смешанный вкус. На глаза моментально слезы наворачиваются. Сашка с шипением толкается глубже, и я давлюсь – рвотный рефлекс дает о себе знать – с трудом сдерживаю спазм внизу живота. Толкается еще раз и еще. Коротко, быстро, наверно не очень глубоко, но у меня ощу-

щение, что он меня сейчас просто задушит им!

Липкая паника только начинает накрывать, и он отпускает. Сжимая, проводит кулаком по блестящему от слюны члену прямо у моих глаз. Сдавленный стон, Сашку дергает, прошивая оргазмом, и сперма попадает на мое лицо, шею, грудь. Я шокировано хлопаю глазами. Сжимаю его бедро, ощущая, как дрожит под моими пальцами мышца. Сашка наклоняется и быстро и глубоко целует меня в засос. Мысли опять отлетают. Меня опять все утраивает и мне просто адски хорошо. Когда он отстраняется, на меня находит что-то. Убираю капельку с щеки и, смотря Саше в глаза, улыбнувшись, облизываю палец. Он шумно выдыхает, глаза вспыхивают.

– Вот теперь пошли в душ, – на тонких губах расцветает ленивая улыбка.

– Нет, я одна хочу! Подожди, я – первая, ладно? – опомнившись, вспоминаю, что хотела замести возможные следы своего первого падения.

– М-м-м, ладно, – он тут же звездой падает на живот и сладко мнет под собой подушку.

Когда я возвращаюсь из душа, Сашка уже видит десятый сон.

Дверь балкона открывается. Замираю, прислушиваясь, под одеялом. Стыд вперемешку с желанием опалает кожу. Различаю, как Сашка ходит по комнате и, кажется... собирает вещи. Эта мысль как ушат холодной воды. Перекатываюсь

с живота на бок под одеялом, убираю руку с промежности – от возбуждения не остается и следа. Только нервное неприятное волнение. Что...что он делает? Хочется показать нос и спросить прямо, но вдруг гордость не позволяет. Она у меня вечно является не вовремя. Надо было ей приходиться еще вчера...

Тем временем раздается звук вжимающей молнии, потом характерный треск рвущейся бумаги, царапанье ручки. Тишина. И через секунд пять тяжелый вздох и приближающиеся к кровати шаги. Резко зажмуриваюсь, стараясь дышать равномерно и глубоко как во сне. Сашка чуть-чуть откидывает одеяло, и сквозь мои сомкнутые веки продирается серый утренний свет. Чтобы не выдать себя – совсем перестаю дышать. Сашины губы едва ощутимо касаются моего лба, и он возвращает одеяло на место, накрывая меня им с головой. Тут же широко распахиваю глаза, пялясь в душную черноту.

Он действительно сейчас уйдет? Вот так просто?! Это как удар в солнечное сплетение – я пошевелиться не могу!

Но реальность и не думает меня щадить.

Его удаляющиеся шаги по номеру, входная дверь открывается с тихим скрипом и через секунду захлопывается, оставляя меня совершенно одну.

Пульс жаркими волнами давит на уши. Медленно откидываю одеяло. Делаю вдох. Так... Ничего ведь не произошло, да? Ну ушел и ушел, подумаешь...Козел!!!

Подскакиваю с кровати, будто чертик на пружине, и в два шага оказываюсь около журнального столика, на котором записка и... две купюры по тысяче рублей. Взгляд застывает на деньгах. Гнев вперемешку со стыдом выходят на новый виток. Две тысячи. А почему не пять интересно? Жмот!

Да на трассе дамы больше стоят! Наверно... Я так-то не сильно интересовалась... Но я б за две не дала!

"Да, Лизонька, ты только за бесплатно", – тут же ехидничает внутренний голос.

Посылаю его куда подальше и беру в руки неровно вырванный блокнотный листок. От шума крови в голове смысл написанного доходит не сразу. Но вообще-то лучше бы вообще не доходил. Пячусь обратно на кровать и плюхаюсь на нее, чуть не промахнувшись мимо матраса. Листок, выпущенный из рук, красиво кружит, оседая на одеяло.

Прости, срочные дела появились. Не хотел будить. Оставил на такси. 8 927 645 240 еще три дня буду в Москве. P.S. было хорошо :-)

Я опять пялюсь невидящим взором в оштукатуренную гостиничную стену в попытке осознать, что творится у меня внутри. На глазах закипают слезы обиды. Смутной, но от того еще более жгучей. Я... Я все-таки хотела, чтобы все было не так! От этой записки веет не легкостью отношений, а пренебрежением.

Оставил он на такси... Спасибо... И ведь даже не придраться, да? Но все равно осадок... Вот и использовали ме-

ня. И я могу сколько угодно убеждать себя, что все наоборот, что это я была инициатором. Но это так не работает. По крайней мере в моем мире. В моем мире только мальчишки так используют девочек, сколько бы те не хорохорились после. Мне так грязно от себя самой, что я встаю с кровати и иду в душ. Сразу включаю погорячее. Видимо, чтобы вода по температуре совпадала с закипающим мозгом. Пытаюсь разобраться, пока стою под тугими струями.

Так, Лиза, не накручивай себя! Я знаю, что ты умеешь! Оставил же записку, да? И деньги... «Да, как шлюхе!», – фыркает внутренний голос.

Так, стоп, про деньги вычеркиваем!

Ведь и правда на такси...Забота! И внутренний голос тут же: "И будить не стал, смотри на него – заботливый какой! Или просто видеть тебя с утра не хотел, Лиза!"

Чтобы заткнуть этот мерзкий внутренний голосок, рывком переключая воду на ледяную. Внутренний голос вопит от шока вместе со мной и затыкается. Думаю дальше. И телефон оставил, да? Если человека не хочешь видеть после секса, разве оставишь ему телефон?!

"Что-то там какой-то странный телефон!" – пищит очухавшийся внутренний голос.

Я хмурюсь, пытаюсь уловить не оформившуюся догадку. Мокрая, вылетаю из душа, не вытиравшись. Шлепаю пятками по полу, оставляя ща собой лужи. Так, надо написать и проверить...Набираю смску.

Такси стоит дешевле, придется сдачу тебе вернуть :-)

Вбиваю номер, чтобы отправить, и понимаю, что одной цифры не хватает. Опять растерянно плюхаюсь на кровать. Прямо мокрой попой на смятые простыни. Он... Он ведь это специально, да? Чтобы не перезвонила, но и не обиделась. Ведь вроде как оставил... Случайно ошибся просто. Хитро...

Козел дважды!

Чтобы я еще раз вот так вот с кем-то пошла?! Никогда! И что это за помутнение вообще было?! Сколько раз мне повторяли, что мужчины ценят только то, чего добились тяжелым трудом! Дед вообще этот тост толкает при любом моем появлении в радиусе километра. Будто мантру вбивает. А я...

Все! Теперь вся любовь только через папу и через свадьбу! Мне унижения этого утра на всю жизнь хватит!

Почувствовав себя увереннее только после этого гневного внутреннего монолога, я решительно топаю обратно в душ. Лиза хотела урок – Лиза его получила. Лиза умеет усваивать уроки и делать из них правильные выводы. Иначе не была бы любимой папиной дочкой.

Когда выхожу из номера, слышу голоса. Разговаривают двое: мужчина и женщина. И, кажется, в мужчине я узнаю Алика. Аккуратно прикрываю дверь номера, стараясь не шуметь, потому что Алик болтает о Сашке.

– Так Санек уже смотался?

– Да, пулей вылетел, даже рукой не махнул – не заметил меня наверно, – отвечает женщина. Наверно та, что вчера сидела на рецепции.

– Хм... А подружка его?

– А подружка дрыхнет, – хмыкает женщина.

– Хах, Саня в своем репертуаре, – ржет Алик на это, – И как его еще бабы не поймали и толпой не побили.

– Кто ж такого красавчика побьет, разве что между собой перегрызутся, – вздыхает на это рецепционистка.

А меня от фразы " в своем репертуаре" передергивает всю!

Ну ты смотри какой исполнитель! То есть я в хит попала. Класс!

Поправляю сумку на плече и направляюсь к выходу, больше не переживая, что меня услышат. Задрав нос повыше и расправив плечи так, что между лопаток начинает ломить, выплываю из коридора к рецепции.

– Доброе утро.

– Доброе, – хором отвечают мне Алик и Нина.

– Лиз, ты куда? – добавляет Алик.

– На такси.

– Ты вызвала уже? Посиди с нами – сюда вечно долго едут. Кофе пока попьем. С круассанами. Будешь? Завтрак еще не готов, только они есть.

Немного торможу. Все-таки невежливо не отвечать. Алик не виноват, что у него друг такой... выдающийся.

– Да нет, спасибо. Подъезжает уже, – вру.

– Ну смотри, – вздыхает.

Я улыбаюсь, собираясь уж было развернуться, но тут в голову приходит гениальная мысль!

– Алик, кстати, можешь Саше кое-что передать?

– Номер твой? – тут же смотрит на меня снисходительно, – Ну давай передам. Диктуй.

– Да нет, – смеюсь, роясь в сумке. Достая кошелек и выуживаю оттуда две тысячи, – Вот, на чай ему. И скажи, пожалуйста, что он молодец. Бывало, конечно, и лучше, но реже!

У Алика отвисает челюсть, от снисходительности во взгляде не остается и следа. И от его выражения лица мне так хорошо, что снова хочется петь и радоваться жизни. Месть сладка!

– Всё, пока! – посылаю Алику воздушный поцелуй и летящей походкой удаляюсь, чувствуя себя героиней какого-нибудь фильма. Спину приятно прожигает две пары изумленных глаз.

Потом мне конечно приходится час простоять в кустах около поворота в ожидании гребаного такси, которое действительно никак сюда не хотело ехать. Но это уже другая история. И никакой кофе с круассаном не заменил бы мне того маленького минутного триумфа.

5.

Неделю спустя.

Я не знаю, как я очутилась около информационного стенда нашей кафедры туристического бизнеса и гостеприимства. Что я тут делаю? Я вообще заехала в универ, чтобы в профком флаеры занести. А профком вообще-то в противоположном крыле... в подвале. А я сейчас стою на третьем этаже другого конца здания и всматриваюсь до боли в глазах в мелкий шрифт списка поступивших заочников. Свою фамилию инстинктивно нахожу почти сразу. Но то, что она там есть, я узнала еще вчера из электронного письма. А вот Сашкину...

Черт, какая у него вообще может быть фамилия?

Инициалы на "А" – понятно, но тут пятьдесят человек, и добрая половина имен на "А". А я хочу быть уверена, что больше его не встречу. Или встречу... Но успею натянуть покерфейс на лицо!

Алик называл его Бук, Бука. Сашка сказал, что это из-за фамилии... Мой взгляд впивается в строчки на букву "Б". Баширов, Беляева, Боровик... Есть Булкин, но он Е.В. Раздраженно поджимаю губы. Не то. Никого подходящего нет. Просматриваю все "деревянные" фамилии. Натыкаюсь на "Твёрдый А.С." и нервно хихикаю. Сашке бы пошло, да!

АС в том, какой "твёрдый"!

Мстительно фыркаю, но понимаю, что нет, тоже не он. Вообще нормальный парень наверно – этот Твёрдый, а я ржу. Некрасиво как-то даже... Вздыхая, продолжаю свои поиски. Внутри начинает все больше тоскливо тянуть. Неужели не поступил? Цвета вокруг бесповоротно тускнеют. Солнце словно закатывается за большими окнами рекреации.

Разочарование... Запрещаю себе думать о его причинах – ищу дальше.

Из забавных фамилий еще Лютик попадает, но тоже до Бука не тянет, а больше и ничего интересного.

Всё.

Через пару минут отхожу от стенда. Похоже Сашка не поступил. Настроение стремительно несется вниз. Со свистом пролетает ноль и замирает на минусовых значениях. Ну как можно было завалить эти детские экзамены?! И правда твердый какой-то! А я повелась...

Ладно, уже неважно. Это ведь хорошо, что я его больше никогда не увижу. Зачем мне такое знакомство? Еще и учились бы вместе, разговоры бы могли пойти – кто его знает, может он не только бабник, но и знатное помело? А меня из-за профкома почти весь универ знает. Нет, так лучше, правда!

"Да-да, Лиза! Продолжай убеждать себя!" – ехидничает внутренний голос, но я как обычно его затыкаю.

И, поправив сумочку на плече, сбегая вниз по парадной лестнице, торопясь к выходу.

Стоит мне только, справившись с массивной дверью, выскочить на улицу, как меня поджидает еще один неприятный сюрприз. Еще полчаса назад палящее солнце действительно затянуло непонятно откуда взявшимися тучами и пошел сильный летний дождь. Мгновенно образовавшиеся лужи скрыли под собой серый расплавленный от жары асфальт, предлагая мне теперь не идти, а, видимо, плыть, до припаркованной на соседней улице машины.

— Бл...— бормочу себе под нос, торопливо шлепая босоножками по пузырящейся воде.

Может и не женственно, зато четко в настроение.

Дождь пробирает насквозь за секунды. Джинсовые шорты облепляют бедра, тут же натирая между ног, и от моих уложенных утром кудряшек не остается ничего, кроме повисших сосульками прядей и усилившегося от воды запаха пенки для волос. Радует только, что капли, бьющие с неба, как парное молоко, а мне сейчас надо домой, и значит никто не увидит меня в образе мокрой крыски. Запрыгнув в машину, первым делом смотрюсь в зеркало дальнего вида, поправляю потекшую тушь и убираю налипшие на лоб волосы. От мокрой одежды начинает немного знобить и приходится прикрутить климат контроль.

Ладно, дома высушусь, не страшно...

Нажимаю кнопку зажигания и уже было трогаюсь с места, как телефон разрывается входящим звонком. На приборной панели высвечивается "хозяйка". Закатываю глаза, выезжая

с парковки. Ну что еще? Только этой мегеры мне сейчас не хватало. Делаю успокаивающий вдох, переключая вызов на громкую.

– Да, Вера Павловна, здравствуйте.

– Лизонька, здравствуй, – сладко скрипит в трубку хозяйка моего съемного гнездышка, – А ты скоро? Я сейчас как раз у себя.

От последнего предложения глаза мои как по мановению волшебной палочки наливаются кровью.

Потому что бесит!

Бесит, что она заходит в квартиру, когда хочет и совершенно не считает нужным предупредить. Бесит, что говорит " у себя", а не " у тебя", или хотя бы просто " в квартире"! Бесит, что меня там сейчас нет, а вещи мои есть, и она может рыться в них, а Вера Павловна может!

В общем все бесит, кроме того, что ехать туда от универа мне буквально три минуты, и именно поэтому я эту квартиру и сняла. Еще сняла потому, что Вера Павловна живет на даче круглый год и, по правде сказать, вот так захаживает очень редко. За три года это вроде бы пятый раз. Да и вообще...Квартирку я свою люблю, еще больше люблю ее расположение, а потому я представляю себя на все готовым самураем и безмятежно отвечаю:

– Скоро, Вера Павловна, буквально пять минут. Дождетесь?

– Да вот не знаю, электричка у меня, – вздыхает та.

– Ой, тогда не надо. Дождь, пробки что-то собираются, может и задержусь, – тут же ориентируюсь.

Не хочу ее видеть. Я привыкла жить с ощущением, что это моя квартира. За три года я все в ней под себя сделала – буквально пару недель назад закончила очередной небольшой ремонт.

– Но хотелось бы дождаться, – в голосе Веры Павловны прорезаются стальные нотки, – Лиз, а что это ты плитку переложила в ванной что ли? И в коридоре... Вообще не узнать квартиру... Уж думала, не туда зашла.

– Да, я же присылала вам по ватсапу все, – раздраженно поджимаю губы.

– А, да? – делает вид, что не видела. Хотя галочки, что прочитано, были!

– А на кухне стол что ли другой? – продолжает допрос, – А мой где?

– Я писала, вы сказали, что можно выбросить, – закатываю глаза.

– Это я тебе про раковину писала, Лизонька, про стол разговора не было! – начинает истерично позвякивать ее старческий голос, – А табуреточки мои... Где???

"В звезде!" – орет ей в тон мое вредное второе "я", за что я мысленно выписываю ему леща.

– Там же, где стол, Вера Павловна, на помойке. И я писала и про стол, и про табуретки, – пытаюсь ровно отвечать.

– Вот так всегда! – причитает, не слушая, домоправитель-

ница в трубку, – Пустишь их к себе, обогреешь, а они... все добро!... на помойку!!!

– Вы меня за семьдесят тысяч в месяц обогреваете, Вера Павловна. Плюс коммуналка. И ремонт я делаю сама! – рыкаю на это в ответ, не выдерживая.

– Вот! – я прямо чувствую, как мне в ухо через динамик тычет ее обличающе- указующий перст, – Вот, всего за каких-то семьдесят несчастных тысяч! И это за чудесную квартиру в самом центре Москвы, в старинном доходном доме с тихим зеленым закрытым двором, приличными соседями и с метро в шаговой доступности!

– Не нужно мне ваше метро, – бурчу.

– За квартиру с ремонтом!!! – патетически задирает ноты Вера Павловна в конце своего рекламного монолога.

– Ремонт я делала сама, – повторяю, сворачивая к кованым закрытым воротам нашего двора.

– Сама – не сама, – отмахивается Вера Павловна, – Семьдесят тысяч – это мало, Лизонька! А ты еще и не ценишь! Табуреточки мои... на помойку! Значит так, дорогая. Со следующего месяца сто, или мы расторгаем договор. Я собой пользоваться не дам!

Я резко бью по тормозам прямо посреди двора. Что?

– Мда-а-а, – тянет моя подруга Влада, с сочувствием поглядывая на меня своими почти прозрачными голубыми глазами, – Надо было этой старушенции судом пригрозить.

– Я что-то такое проорала, но мы с ней обе знаем, что по судам таскаться я не буду, – невесело улыбаюсь я, стуча ложечкой по чашке с горячим шоколадом.

После пережитого стресса потянуло на сладкое. И теперь, сидя в кафе, я поедаю уже вторую порцию морковного торта. За панорамными витринами все так же ливень стеной. Москва сера, безрадостна и пузырится грязными лужами. Идеальное оформление этого дурацкого дня, когда с утра я узнала, что мой первый мужчина оказался не способен сдать элементарные экзамены для зачисления в платную группу, а днем и вовсе оказалась без крыши над головой.

– А тебе и не надо, адвокатов найми, – вырывает меня Влада из унылого внутреннего монолога.

На это я только закатываю глаза.

– Я, к сожалению, не зарабатываю сама на адвокатов, а обращаться к папе – это...

Не договариваю. Синхронно тяжело вздыхаем и отпиваем из своих кружек. С тихим звяканьем ставим их на столик. Ситуация для меня патовая...

Я просто не готова идти с повинной и говорить отцу, что меня обвели вокруг пальца как последнюю дуру! Не хочу слушать его снисходительные: "я же говорил, Лиза", "когда ты уже научишься меня слушать, Лиза", "надо было сделать по-моему, Лиза". И еще обязательное в конце "ну теперь только попробуй взбрыкни"!

А я не взбрыкиваю! Я всего лишь хочу жить самостоя-

тельно в двадцать лет! Как все! А не ждать под родительским крылом, когда меня с рук на руки передадут на догляд какому-нибудь подходящему папе мужу!

– Слушай, ну... Может все-таки Тиграну Рустамовичу скажешь, – неуверенно предлагает Влада, – это же мошенничество чистой воды! Ты столько сил вложила, денег. Думаю, он быстро эту Павловну на место поставит.

– Не удивлюсь, если это вообще он ее и подговорил, – морщит нос в ответ.

– Не говори так! – охает Влада возмущенно, – Он бы никогда так не сделал!

Влада моего папу очень уважает. Почти любит. И это немного бесит – иногда мне хочется перемыть ему кости, но с ней это не пройдет. Скорее кости перемоем в итоге мне... Вот с ее сестрой Кирой – пожалуйста. Та как раз не сильно хорошего мнения о моей родне. Правда, это иногда раздражает тоже.

– Да я просто шучу, – нехотя соглашаюсь с подружкой, – Но поверь, Вере Павловне папа из принципа ничего делать не будет. Он изначально был резко против, чтобы я что-то снимала, поэтому все, что он скажет, это "я же говорил, что это дурацкая затея. Скажи спасибо, что она тебе наркомана не подселила", а потом "так, хватит скитаться, быстро переезжай в "Бутик"!"

Опять синхронно вздыхаем и молча отпиваем шоколад.

– Я бы вообще предпочла, чтобы он никогда не узнал, что

у меня с Верой Павловной случилось, – бормочу себе под нос, – дед мне как раз выслал очередную сотку. Повезло, что перевести Павловне я ее не успела. Еще у меня карте сейчас есть пятьдесят, должно хватить на залог...

Опять вздыхаем и отпиваем из кружек.

– Я думаю, Кира найдет что-нибудь, – пытается Влада мне подбодрить.

– Ну да... – кисло тяну я.

Найдет, конечно, но это уже будет не мое гнездышко в трех минутах ходьбы от универа. И от осознания этого факта хочется рыдать.

Но я держусь, ожидая вместе с Владой ее сестру Киру в кафе. Кира подрабатывает риелтором и, несмотря на то, что из-за учебы тратит на это не слишком много времени, уже довольно успешна. Я даже пробовала как-то поработать с ней, очарованная тем, с какой легкостью деньги плывут в Кирины цепкие ручки. Но, оказалось, риелторство – совершенно не мое. Мне сложно продать что-то, что самой не очень нравится, а там это надо уметь.

– А может дедушку попросишь помочь тогда? Он же итак тебе деньги дает на квартиру. Или может мама поможет? – предлагает Влада.

– Они оба не будут ничего скрывать от отца, – вздыхаю, потирая лоб.

Опять отпиваем шоколад, переводя взгляды на льющий стеной дождь за панорамным окном.

Может мне и не стоит упрячиться? Может это знак и надо сделать, как хочет папа, мелькает в голове предательская мысль. Но я упрямо сжимаю челюсти и гоню ее прочь. Нырнуть за папину спину я всегда успею – никуда эта широкая спина не денется, а вот перечеркивать все мои прошлые маленькие победы в наших спорах до кипучих слез не хочется.

Все началось с того, что вместо облюбованного папой СПбГУ я три года назад подала документы в Москву. И поступила! На бесплатное. Я два года зубрила ради этого. Просто потому, что подозревала, что платное мне бы оплатили только в Питере.

А что такое учиться в Питере?

Это по сути поменять одну школу на другую и все так же жить под родительским крылом. Единственное изменение бы заключалось в том, что уроки я стала бы называть парами.

А я мечтала быть студенткой. Настоящей. Была заранее очарована жизнью, что мне предстоит.

Потому, поступив, гордо заявила папе, что не только мечтаю уехать от его надзора подальше, в данном случае в Москву, а еще и с радостью поселюсь в общежитии.

И, если первое папа с помощью мамы кое-как переварил, то второе было категорически отвергнуто с утверждением, что в общежитиях этих проститутки и наркоманы. Не все, конечно... Но все, что есть, обязательно меня найдут и уведут на темную сторону!

Мама на это предложила купить мне квартиру в каком-нибудь приличном доме с консьержем и списком не колющихся жильцов.

Но это предложение тоже с гневом было отвергнуто моим суровым родителем. Папа сказал, что купит мне квартиру по окончании университета в Питере, когда я приеду сюда работать. (Почему-то мысль, что я приеду работать куда-то еще, он не допускал). А в Москве я жить не буду, всего-то пять лет проучусь, значит и квартира мне там не нужна. А если когда-нибудь и будет нужна, то я уже сама должна буду что-то делать с этой необходимостью.

– И что же ты предлагаешь? – всплеснула мама на это руками, – Снимать?

– Нет, у нас в Москве отличный отель камерного типа "Бутик". Всего шестнадцать номеров, центр, цены высокие, люди приличные. Пусть тогда там живет, и административном полулюксе, – предложил отец.

Тут я кинулась ему на шею с визгом "спасибо, пап», потому что поначалу мне показалось это отличной идеей.

Но только поначалу.

Уже через месяц я поняла, что за мной в "Бутике" следят. Все! От портье до уборщицы! Следят и докладывают папе! Хотите знать, как я узнала про уборщицу?

Привела в номер одnogруппника днем, чисто ради эксперимента, а потом кинула в урну распакованный презерватив. Папа перезвонил буквально через минуту после того, как в

моем номере началась уборка, и начал орать!

Я тоже начала орать, что больше ноги моей в этом "Бу-тике" не будет! Папа на это проорал, что денег на съём не даст, и я бросила трубку. Поплакала и позвонила деду, единственному человеку, способному приструнить отца. Дед выслушал, хрипло посмеялся с моего подкинутого в урну презерватива и предложил сделать так: он высылает мне сто тысяч в месяц на жильё и договаривается об этом с отцом. Я же взамен клянусь ему мизинчиком, что никаких мальчиков, кроме разве что будущего мужа, в этой съёмной квартире не будет. Я конечно пообещала.

В конце концов, если уж захочется быть с мальчиком, в квартиру его приводить совершенно необязательно, да?

Так я получила свое пособие на съём жилья. Нашла уютную маленькую двушку в трех минутах от универа за семьдесят тысяч плюс КУ и была счастлива. Все деньги, что оставались от бабушкиной сотни, я откладывала на специальный счет на ремонт в своем гнездышке – так я сама себя приучала рассчитывать свои траты и копить – тоже довольно необходимое в жизни умение.

И когда на этом счете набегала сумма, достаточная для покупки нового столика или ковра, я испытывала непередаваемый восторг. Наверно это было почти также классно, как самой заработать.

Конечно, у меня на карте всегда были деньги просто "на жизнь", но почему-то тратить на квартиру только отложен-

ные дедушкины было гораздо приятней.

Сейчас, когда Вера Павловна, с какого-то перепугу так задрала ценник, откладывать бы уже не получилось. Мне бы даже на оплату коммуналки дедушкиных денег перестало бы хватать, а оплачивать квартиру папиными средствами принципиально не хотелось.

Это был еще один момент, почему я час назад взлетела по лестнице в свое гнездышко и, застав там Веру Павловну, выплюнула ей в лицо, что пусть подавится, снимать я больше не буду. И стол с новыми стульями тоже заберу! А табуретки до сих пор ждут ее на помойке – пусть не переживает. Я только что посмотрела, что так они у мусорных баков и стоят.

– Девчонки, привет! – Кира врывается в кафе так же стремительно, как делает все в этой жизни – ходит, говорит, думает и принимает решения.

– Ну и погодка, да? – она, казалось, только появилась в дверях кафе, а уже прикасается влажными холодными губами к моим щекам, – Жуть, я насквозь!

Нас с Владой окутывает облаком ее духов и неуловимым ароматом дождя, а Кира суетливо устраивается в кресле напротив, распахивает меню и хмурит светлые брови.

– Ты что брала? Фраппе? Ну и как он тут? – тараторит, вода пальчиком по строчкам.

Влада неопределенно плавно пожимает плечами. Кира

морщит вздернутый носик на ее неторопливое движение. Ее всегда немного подбешивает медлительность сестры. А я улыбаюсь, наблюдая. Люблю их!

Такие похожие внешне, такие разные внутренне, но мои! Очень редко, но так бывает. Встретишь человека и внутри щелкает что-то. Понимаешь – вы одной крови. И вам сразу легко и уютно. Вы болтаете без умолку, смеетесь до слез, обсуждаете вечное – все вперемешку и уже через пять минут. И ощущается близость, которую с иными и за десять лет не достичь. Не дано.

Так у меня было с моей одноклассницей Кирой, а потом и с Владой, ее сестрой – погодкой. В какой-то момент мне показалось, что и с Сашкой у меня так было, но... Отправляю в рот еще один кусочек морковного торта, злясь на себя, что опять его вспомнила.

Это когда вообще пройдет?

– Мне пожалуйста миндальный фраппе на кокосовом молоке, – это Кира говорит подошедшему официанту, протягивая меню.

– Не надо же больше никому заказывать? – переводит на нас взгляд.

– Ты же уже отдала, – фыркает Влада, наблюдая за удаляющимся с меню официантом.

– А, ну да, – кивает Кира, ничуть не смутившись, и громко хлопает в ладоши, – Лизка! У меня есть шикарный вариант для тебя! Только надо прямо сейчас ехать, а то уведут, бронь

я поставила на три часа. Там мужик против был, но я так в трубку мурлыкала – саму себя захотелось. В общем он нас ждет. Документы выслал, я просмотрела – вроде все ок. Так что допиваем и бежим. Вы же ничего больше не заказывали?

– Что? Какой вариант? Уже нашла? – опешиваю я от ее зубодробительной тирады.

Кира смахивает что-то в телефоне, а потом тычет мне экран в лицо. Забираю, листаю сама. Внутри разрастается горячее волнение. Квартира. Явно в старом доме – высокие потолки и низкие подоконники огромных окон. Со свежим ремонтом, но практически без мебели. Темный ламинат, белые стены, натяжные потолки, санузел в черном керамограните, большая просторная кухня, которую при правильном зонировании можно сделать скромной, но уютной гостиной. Тем более, что никакая хозяйская мебель этому не мешает – на кухне только икеевский белый лаконичный гарнитур и холодильник. Даже столика нет с ненавистными мне теперь табуреточками.

Спальня вообще без всего фактически. Лишь встроенный белый шкаф-купе с зеркальной дверью и огромный надувной матрас на полу. Витой балкончик выходит на зеленый маленький московский дворик. Фотки заполнены светом и ощущением пространства, не испорченным излишним хламом. Мне нравится.

Дико нравится на самом деле!

А когда я вижу адрес, вообще испытываю что-то похожее

на эндорфиновый шок! Это же в соседнем с моей прошлой квартирой дворе!

– Там вообще-то две комнаты, но одна забита хозяйскими вещами и закрыта на замок, – лупит пулеметной очередью Кира на заднем фоне, – Хозяин – сказка. Мужик средних лет, по голосу приятный. Через несколько дней летит на Гоа на ПМЖ, дауншифтер, короче. Приезжать не будет, проверять не будет. Только деньги слать ему и все. Зовут Егор, фамилия еще такая смешная – Лютик.

– Ой, у меня одноклассник на заочке тоже будет Лютик. Было бы забавно, если бы это был он. И сколько хочет? – я нервно кусаю губы, ладошки влажнеют.

Кажется, я влюбилась. Я ее хочу...Хочу эту квартиру!

– Просил пятьдесят пять, но! Мебели нет, посудомойки нет, – деловито загибает тонкие пальцы Кира, – так что сошлись на сорока пяти-и-и...

Задорно сверкает глазами. А я в счастье свое поверить не могу! Да это же почти в два раза дешевле, чем я снимала раньше! Даже, учитывая залог, я смогу начать ее потихоньку обставлять прямо сейчас, не прося ни у кого дополнительных денег!

– Я знаю, раньше у тебя двушка была, – продолжает тараторить подруга, – Но там такая кухня большая и никаких ограничений по обстановке. Я подумала, что тебе подойдет...

– Конечно! Конечно, подойдет! – я вскакиваю со своего

стула не в силах больше усидеть на месте, – Поехали договариваться, пока этот Лютик не передумал и еще кому-нибудь не сдал!

– А мой фраппе?! – Кира театрально дует губы.

– Если выгорит, с меня и фраппе, и просекко, и караоке на всю ночь!

– О, ты умеешь убеждать! – девчонки смеются.

Подзываем официанта, закрываем счет, Кира успевает сделать на ходу один глоток своего несчастного, только принесенного фраппе, и мы мчим втроем навстречу с дауншифтером средних лет Егором Лютиком.

Когда выскакиваем на улицу, оказывается что ливень так же резко кончился, как и начался, а из-за туч уже робко выглядывает ленивое августовское солнце.

Для меня это будто знак, что неприятности этого дня кончились, и Вселенная снова ласково улыбается мне.

6.

Декабрь, четыре месяца спустя.

– Я принесу, – Арс забирает у меня номерок и через пару секунд исчезает в шумной толпе у театральной гардеробной.

Подхожу пока к одному из зеркал в пол, украшающих помпезный, просторный холл с развешанными ровными рядами фотографиями наиболее успешных постановок. Разглядываю свое отражение и проверяю макияж в ожидании шубки и спутника.

Две женщины рядом достаточно громко восторгаются игрой актеров и смелостью режиссерских решений, а мне, честно говоря, не понравилось. Какая-то странная, неприятная смесь классики и современности. Может я старомодна, но мне было совсем не смешно смотреть на стриптизера Бальзамина, пытающегося жениться на современной престарелой олигархине. Или кто там она была – я даже толком не поняла.

Но спектакль гремел по всей Москве уже как месяц, билеты приближались по стоимости к крылу самолета и Арс, судя по всему, снова решил попробовать меня впечатлить.

Он вообще очень старается в этом направлении – произвести на меня выгодное впечатление. Жаль, что вещи, которые, по его мнению, должны приводить меня в щенячий вос-

торг, на самом деле мне мало интересны. Я ровно отношусь к топовым ресторанам, по большей части не понимаю современное искусство, филармонии предпочту караоке с друзьями, а нестандартной экскурсии – украшенный новогодний каток. Да, наверно, я не самая утонченная барышня. И наверно я сама виновата в том, что Арс не очень об этом догадывается.

Дело в том, что за последние несколько месяцев – это первый парень, который мне искренне понравился, и я очень хочу, чтобы у нас все срослось. Поэтому приходится на данном этапе ухаживаний немного скрывать свое истинное "я". Арс из интеллигентной семьи, аспирант в нашем университете, знает три языка и, несмотря на молодость, уже прилично разбирается в международном коммерческом праве, работает в конторе отца и подает все надежды в будущем стать звездой юриспруденции или и вовсе уйти в политику.

Арс настолько безупречен в плане родословной и биографии, что мой отец даже молчит по поводу наших свиданий. Тяжело, конечно, молчит. Многозначительно. Будто мысленно гвозди в крышку подготовленного гроба методично забивает, но вслух ему возразить нечего. Он пользовался пару раз услугами их конторы и познакомился с Арсением раньше меня. Даже очень хорошо отзывался о нем, пока тот не увидел меня в профкоме нашего университета и не пригласил на первое свидание.

Пригласил он меня в Винзавод конечно на выставку како-

го-то фотографа, делающего черно-белые снимки мировых помоек. Очень концептуально. И совершенно непонятно для меня, где хлопать. Но я, желая не показаться простушкой, сделала вид, что поняла. Как потом оказалось, зря. Потому что теперь мой удел – не кататься на снегоходах по Подмосковью и пить глинтвейн, гуляя по центру, а смотреть на что-то вроде стриптизера Бальзаминаова.

Подкрашиваю губы, приближая лицо к зеркалу, и вижу в отражении возвращающегося ко мне Арса. Внизу живота растекается мягкое щекочущее тепло. Арс улыбается, ловя в зеркале мой взгляд, а я подмечаю, как на него с интересом оборачиваются две мимо проходящие девушки. Я их прекрасно понимаю – Арсений внешне очень привлекательный. Высокий, худощавый, но спортивный, с каштановыми, не слишком коротко подстриженными волосами, с классическими правильными чертами лица и живыми карими глазами. А еще его улыбка открытая и мягкая, сразу располагающая к себе. Он немного педант и совсем капельку зануда, но это издержки воспитания и высокого интеллекта. По крайней мере я себе это так объясняю. Арс все-таки юрист – международник, а не какой-то инструктор, только спустившийся с одной из Кавказских гор...

"Мля, Лиза, опять ты сравниваешь! Может хватит?! " – закатывает глаза мое внутреннее "я", и я тут же прекращаю. Заставляю себя прекратить.

Арс тем временем подает мне короткую шубку, придер-

живая ее, пока я продеваю руки в рукава. Касается моих плеч в конце и через секунду вежливо отпускает. Слишком вежливо, мог бы и посильнее прижать. Это наше пятое свидание, а мы еще не целовались. Не то, чтобы я торопилась. Прошлый урок усвоен на "отлично". Я больше никогда и никого не подпущу к себе вот так сразу, но... Арс даже не дает мне шанса посопротивляться! Он настолько галантен, что иногда меня мучает предчувствие, что это мне придется его соблазнять, а не наоборот.

И я как-то к такому не готова.

– Пойдем? – накинув куртку, Арс услужливо подставляет мне локоть, на который я опираюсь, – Мне показалось, или ты не в восторге от спектакля, Лиз?

– Стриптизер Бальзаминов – это перебор, – честно признаюсь.

Арс хмурится, чуть ближе склоняясь к моему лицу, его рука ложится на мою поясницу, когда он открывает для меня дверь.

– Прости, я не подумал, что весь этот разврат не для такой девушки как ты, Лиза, – выдает с искренними нотками вины в голосе.

– Какой такой? – непонимающе хлопаю глазами.

– Ну как? – мягко улыбается Арсений и подталкивает меня вперед, чтобы не застревала в дверях, – Чистой, невинной.

"Э-э-э," – зависает мой внутренний голос, а вместе с ним

зависаю и я.

– Знаешь, я... – осекаюсь я, подбирая слова, – Я не такая уж невинная. Вполне себе даже современная... девушка.

Выходим на улицу. На лицо тут же падают крупные ледяные снежинки. Каблуки скользят по замершему граниту. Ежусь, кутаясь в шубку поплотнее и пряча в мехе нос от щипающего морозца. Ускоряю шаг.

– Конечно современная, – Арс будто ребенка успокаивает, пока ведет меня к своей машине, – Я о другом...

Последняя фраза звучит так многозначительно, что сомнений не остается – он о девственности. И Арс уверен, что она у меня есть. Может поэтому и медлит с поцелуями и остальным. Честь мою уважает что ли? Уже несуществующую...

– Кхм... – неопределенно мычу в воротник шубы, пока сажусь на переднее пассажирское сидение.

Арс захлопывает за мной дверь и огибает капот, чтобы занять водительское кресло. Наблюдаю за ним, покусывая мех. Интересно, для него это важно? Да ну... бред! Он же тоже... современный. Или...?

– Знаешь, мы ведь с тобой не говорили на эту тему. Ну, чистоты. А ты так уверен... Почему? Внешность, поведение, что? – аккуратно начинаю прощупывать почву, пока Арс накидывает ремень безопасности.

Он стреляет в меня веселым взглядом и коротко смеется:

– Я просто знаю твоего отца.

А, ну да. Откидываюсь в кресле, гася вспышку жгучего раздражения. Могла бы и не спрашивать на самом деле...

– И не боишься приглашать меня на свидания? – выходит немного резко. Но он задевает меня за живое. Не хочу, чтобы в теме моей личной жизни маячил призрак вездесущего родителя.

– Он разрешил, – ровно выдает Арс, выруливая с парковки.

Я чуть не давлюсь от такого заявления.

– И что же ты ему сказал? – нервно хмыкаю, – Что разрешил.

Арс опять мажет по моему лицу быстрым взглядом, на этот раз без тени улыбки.

– Что у нас все будет серьезно. Только так, – тихо отвечает.

Это дезориентирует меня окончательно.

– Да мы даже ни разу не целовались! С чего ты взял вообще?! – выпаливаю я.

Арс на это поджимает губы, сводит брови и ничего не говорит. Похоже, я его задела. Мои последние слова повисают в салоне как кирпичи на ниточках. Неловко. От тяжелого молчания начинает ломить виски. Я щелкаю приемник и оставляю первую попавшуюся радиостанцию, чтобы только не свариться заживо в этой густой тишине.

– Заедем – поедим? – предлагает Арс без энтузиазма.

Да, мы так и собирались сделать в начале вечера, но сей-

час я уже не хочу. И вроде бы ничего вообще не произошло, но у меня нестерпимое желание выскочить из машины прямо на ходу. У папы он разрешения попросил... Я будто в девятнадцатом веке!

– Нет, отвези меня домой пожалуйста.

– Что-то не так? Я тебя расстроил?

– Нет, все хорошо. Просто устала. И завтра первая сессия на заочке начинается. Выспаться хочу, – слабо улыбаюсь Арсу, пытаюсь как-то исправить ситуацию.

Получается не очень. Всю оставшуюся дорогу мы молчим. Молчим, когда Арс сворачивает в мой двор, когда тормозит прямо напротив подъезда. Когда поворачивается ко мне, устремляя странно внимательный взгляд.

Отщелкиваю ремень безопасности. Пальцы сжимают дверную ручку.

– Спасибо за вечер. Пока... – толкаю, открывая. И не успеваю открыть.

Потому что Арс вдруг протягивает ко мне руку и рывком приближает к себе, обхватив затылок. Наши губы резко встречаются. Стукаюсь с ним зубами от неожиданности. А потом ощущаю чужой вкус. Влажно, мягко, прохладно, сладковато. У него даже язык мягкий, будто комочек манной каши... Тело деревенеет в попытке подстроиться под ощущения внезапной близости с другим человеком. У слюны Арса привкус грецкого ореха. Его дыхание тихое, он все время пытается оттянуть ртом мою нижнюю губу. В принципе

приятно, но заставляет сосредотачиваться на этом моменте. Мозг включается, а ведь он наоборот должен молчать. Возможно...

Возможно, сейчас просто не лучший момент для поцелуя. Я была расстроена и устала. Повторим...потом.

Резко отстраняюсь. Немного виновато растягиваю в улыбке влажные губы.

– Ну...Пока.

– Пока. Я завтра позвоню, – Арс облизывает свои губы. Взгляд у него расфокусированный, довольный. Наверно, не то, что у меня...

– Хорошо, – открываю наконец дверь. Выскакиваю из машины.

– Ты мне очень нравишься, Лиз! – летит из салона вдогонку, но я уже захлопываю за собой.

Захлопываю за собой входную дверь и тяжело опираюсь спиной о полотно, скользя рассеянным взглядом по узкому коридору моей квартиры. Пальцы будто сами собой порхают вверх, к губам. Трогают, словно пытаются нащупать оставшийся фантомный след. В груди раздрай. А внутренний голос безжалостно подсказывает, что это никакой не раздрай, а...разочарование!

"Да ты его просто не хочешь, Лиза!" – орет он внутри меня.

Предлагаю ему заткнуться и, оторвавшись от двери, начи-

наю раздеваться. Срываю шубу, сбрасываю сапоги, раздраженно тряся ногой.

Нет, это не так. Арс мне нравится. Он умный, приятный, мы смеемся...иногда. И запах его...Конечно, хозяйственным мылом отдает немного, но кто-то просто слишком чистый. Это же лучше, чем грязный, да?

Чё-ё-ёрт!

Нет, надо признавать очевидное, пока не поздно. Это ведь первый поцелуй! Да я должна сейчас от счастья с визгами носиться по коридору, а не уговаривать себя, что в следующий раз мне точно зайдет.

А вдруг и правда зайдет?

Опускаюсь на пуфик. Обхватываю голову руками. Нет, ну в принципе было ничего... У Арса столько достоинств. И я вижу по его взгляду, что он не врет – я искренне нравлюсь ему. Это такое приятное, вдохновляющее чувство, когда ты кому-то по-настоящему нравишься. Да еще и не просто кому-то, а ценному, достойному, подходящему...

Вон и папа не против Кропоткина. Хотя это как раз вряд ли плюс. Оглянуться не успею, как у деда на даче на собственной помолвке буду сидеть...А рядом Арсик...Прижимается ко мне своим пахнущим мылом, интеллигентным телом.

Мда...

Это так обидно!

Ну почему?! Почему идеальный по всем параметрам па-

рень, который относится ко мне как к принцессе, меня совершенно не заводит! Почему его предупредительность мне кажется слабостью, уважение – нерешительностью. Да у него даже язык как у мямли! Не хочу и думать, что ниже, господи... Тоже наверно что-то вежливое и асексуальное. Воображение услужливо рисует перекошенное страстью лицо Арсения и то, как он сквозь зубы скулит "Лиза, можно я кончу?". А мой злобный внутренний голос орет на это "Нельзя!" и инфернально смеется.

Нет, это не с ним. Это со мной что-то не так! Привидится же такое...

А может у меня травма? Ищу мудаков и абьюзивных отношений? К психологу пора?! Это все папа со своими тираническими замашками... И братья туда же. Дружно вбили мне в голову, что этот домострой пыльный – и есть норма человеческих отношений. А я...

"Так, стоп, не вали с больной на здоровую, – ехидно фыркает внутренний голос, – У Кропоткина просто рот слюнявый – отец в этом точно не виноват".

"Может он голодный был? Вот слюноотделение и повысилось... Эх, надо было все-таки поужинать заехать," – вяло возражаю сама себе и плетусь на кухню.

Открываю холодильник и зависаю на пару минут, пока он не начинает возмущенно пищать. Подгоняемая охранной системой, достаю открытую бутылку вина и грушу. Наливаю себе половину бокала и прячу вино обратно. Нарезав грушу,

плетусь к одному из кресел- мешков, наваленных на кухне в импровизированной гостиной зоне. Когда иду мимо столика, рука так и тянется к пиале с орешками, но замечаю там грецкие и передумываю. Этот вкус уже сегодня вечером у меня во рту побывал...

Только развалившись в кресле -мешке и сделав маленький глоток, чувствую, как меня потихоньку отпускает и мысли успокаиваются. Взгляд скользит по белым стенам, подмечает развешанные семейные фотографии, замирает на выключенной плазме напротив.

Дома так хорошо! Тихо, уютно...

Не устаю наслаждаться этой квартирой. Помимо всего прочего, она еще и как постоянное напоминание для меня, что "все, что не делается- все к лучшему". За три месяца я сроднилась со здешними стенами больше, чем с квартирой Веры Павловны за три года. Там все-таки было слишком много ее вещей с особой тяжелой энергетикой. Тебя будто выселить пыталась каждая оставленная домовладелицей салфетка. А здесь другим хозяином и не пахло. В квартире был сделан капитальный ремонт, а потом Егор сразу сдал ее мне. Пусть без мебели, зато и без каких-либо ограничений.

Я делаю еще один глоток, отставляю опустевший бокал, закидываю руки за голову и плююсь в белый потолок.

И почему я так расстроилась? Ну не сразил меня его поцелуй и что? Может, сразит все остальное... Внутренний голос как всегда против меня и тихо-тихо нашептывает ответ:

"Просто завтра первый день заочки, Лиза-а-а. И ты ведь думаешь – а вдруг... Вдруг он поступил. Ну признайся! Признайся хотя бы самой себе!"

Нет!

Посылаю внутренний голос к черту и он, издав длинное «пф-ф-ф», гордо удаляется в глубины подсознания. Мне плевать, поступил Сашка или нет. Хотя, если бы поцелуй с Арсом понравился, "плевать" было бы больше.

Заснуть удастся с трудом. Ворочаюсь с боку на бок почти до половины второго, а когда все же проваливаюсь в дрему, то чудится какой-то бред. Мы с Арсом бредем по пляжу, взявшись за руки. Волны мерно накатывают, то и дело захлестывая ноги до колен, ступни утопают в мокром песке. Арс в плавательных шортах, а вот я в массивном свадебном платье. И идти мне нереально тяжело. Юбка с кучей подъюбников промокла насквозь, желтые разводы налипшего песка сделали подол почти черным. Я с трудом переставляю ноги, шумно дышу, пот градом льется по шее и спине. Солнце нещадно палит в самую макушку. Это ад...

– Не могу больше, – хнычу сухими губами- Арс, не могу!

Но он будто не слышит. Только улыбается и тащит меня дальше за собой. Да его даже ветерок обдувает, прохладный и приятный. Только его!

– Арс! – ору, врезаясь ногами в песок. Больше и шагу не сделаю.

Не оборачивается. Улыбается шире, больно сжимает мою руку и дальше тащит вперед. Я почти падаю, ступни вязнут по щиколотку, на лицо налипают влажные пряди...

Вдруг вода сильно отступает, оголяя дно, усыпанное ракушками. Вдали слышится нарастающий гул. Мы оба замираем и тревожно вглядываемся в горизонт.

А там... волна!

Огромная, до самого неба. С грохотом несется прямо на нас. Сердце замирает в сладком ужасе. Колени ватные. Это конец. От такой стихии не убежать. Бирюзовая, невероятно прекрасная в своей природной мощи смерть накроет через какие-то секунды.

Волна встает дыбом, порождая белый пенистый гребень, и с грохотом начинает обрушиваться вниз. Мой пульс исчезает, глаза широко распахиваются, и я с изумлением разливаю серфера на самом верху. Когда присматриваюсь, шокировано разеваю рот.

Сашка? Сашка...

Нахально улыбается мне, зависая на белой пене будто это перина, а не гребень девятого вала.

Не успеваю осмыслить, осознать. Меня накрывает. Расплющивает тоннами упавшей сверху воды.

Темнота...

– Какого хера здесь творится?!

Чей-то злобный ор выдергивает меня из видения про

пляж. Подскакиваю на кровати в своей комнате, тяжело дыша. От испуга я вся мокрая. И никак не могу понять, это реальность или еще нет. Судя по стоящему шуму вокруг – еще сон. Кто может шуметь у меня в квартире?! Я живу одна.

– Твою мать, Егор, я его убью! – чертыхается кто-то, кажется, на кухне.

Да еще голосом Сашки. Я очень хорошо запомнила его тембр – я узнаю его. Ну точно сон. Только вот жутковато как-то по-настоящему. Моргаю, трясую головой, щипаю себя – ничего не помогает. Все до боли реальное, и кто-то с грохотом хлопает дверью моего холодильника. Ма-ма!

Шаги. Я вскакиваю на ноги на постели, озираюсь в поисках оружия. А-а-а!!! Кроме телефона не нахожу ничего, врубаю фонарик и выставляю экран перед собой как щит. Тупо, да, но кошмары же должны бояться света. Щелкает выключатель в коридоре, дверь в спальню распахивается, и я, честно сказать, готова описаться. На пороге какой-то огромный мужик, прикрывающий рукой глаза от света моего фонаря.

– Выруби, блин! – рычит возмущенно мужчина, щурясь.

А я не могу. Потому что я в шоке, и тело не слушается меня. Это и правда Сашка.

7.

Саша отводит руку назад и, быстро нащупав выключатель, щелкает им. Спальню заливает электрическим желтым светом, я вздрагиваю и опускаю телефон. Сглатываю, смотря своему ночному гостю в глаза. Меня еще не до конца отпустил сон, ощущение накрывающего цунами до сих пор давит на плечи, и я просто не могу нормально сообразить, что происходит.

Он похоже тоже, но все-таки ориентируется быстрее. Брови Сашки сначала сдвигаются к переносице, а потом изумленно ползут вверх.

– Ты?! – выдыхает.

– Я, – киваю и от звука собственного голоса более-менее прихожу в себя. И мне сразу хочется нападать, – А ты?! Ты что здесь забыл?! Посреди ночи!!! Вломился тут ко...

– Так, стоп! – он поднимает вверх руку в протестующем жесте и сжимает пальцами переносицу, разглядывая меня исподлобья.

– Не вломился, а ключом открыл. Это вообще-то моя квартира, – Сашка просовывает руки в карманы джинсов и опирается плечом о дверной косяк, продолжая расчленять меня не самым дружелюбным, изучающим взглядом, – А вот что здесь делаешь ты, Лиза, большой вопрос. Ты вообще Лиза? Может это...

Он пожимает плечами, криво ухмыльнувшись.

– ...какой-нибудь мошеннический псевдоним, м?

– Что-о-о? – от накрывшего меня возмущения даже дыхание сбивается, – Какой, блин, псевдоним?! Я эту квартиру уже почти полгода снимаю! И хозяин здесь Егор! Так... всё...

Спрыгиваю в кровати, отлетаю в самый дальний от Сашки угол и снимаю блок с телефона.

– Егор... Ну я так и подумал... Как же он зае... – бормочет тем временем Саша и устало трет лицо, как-то сразу потеряв весь свой агрессивный до этого вид.

Начинает ходить по комнате, пока набираю дрожащими пальцами номер. Резко останавливается, когда подношу трубку к уху, и с подозрением косится на меня.

– Кому звонишь?

– Алло, полиция?! – вместо ответа пишу в динамик, вжимаясь в стену, – Пишите адрес! У меня тут незаконное про-никнове...

Договорить не успеваю, потому что Сашка подлетает ко мне за секунду, выхватывает телефон и... ржет!

– С ума сошла? Какая полиция?! Незаконное у нее про-никновение... – угорает с нахохлившейся меня.

– А ну быстро телефон вернул! – сначала пытаюсь дотянуться до телефона, хватаясь за его джемпер и руки, но он просто каланча какая-то!

Задрал вверх левую руку и, лениво посмеиваясь, наблюдает, как я пытаюсь на него вскарабкаться как обезьянка на

пальму. Унизительно! И вообще странное ощущение – будто судорожно обниматься к нему лезу... Поэтому я бросаю это бесперспективное занятие и от бессилия возмущено топаю ногой.

– Еще и воруюшь, – тихо рычу.

– Не ворую, а изымаю до окончания проведения следственных мероприятий, – не устает угорать он. А после мне и вовсе прилетает снисходительное поглаживание по голове!

– Остынь сначала, Лиз. С проникновениями своими... Не будет в тебя никто проникать.

Саня фыркает и отходит от меня на пару шагов, перестав наконец нарушать мое личное пространство и давая возможность вдохнуть не только запах его туалетной воды. Тщательно поправляет черный джемпер, задравшийся на талии от моего нападения, и демонстративно прячет телефон в задний карман джинсов.

Опускаю глаза, кусая щеку. Потому что – вот гадство – джемпер он уже одернул, а его золотистый живот с узкой полоской жестких волос, уходящей под ремень, я словно вижу до сих пор.

– Обсудим ситуацию – верну, – чуть склоняет голову Сашка, его взгляд застывает на моем лице.

Так как я свой опустила – я не вижу, куда именно он смотрит, но ощущаю направление щекочущим теплым покалыванием на моей коже.

Повисает небольшая пауза. Душная. Неоднозначная.

Смутные воспоминания накатывают вдруг. Еще те, летние... От них заполошно заходится сердце и тело будто тяжелеет, подчиняясь тысячам бегущих по нервным окончаниям электрическим разрядам.

И только в этот момент ощущение реальности происходящего накрывает меня похлеще, чем цунами во сне. Мы одни в квартире. Глубокая ночь. И это тот самый человек, которого я думала, что больше вообще никогда не увижу. Который так легко развел меня на близость. Хотя, честно говоря, я и рада была подыграть. Который утром даже «пока» не удосужился сказать!

А сейчас...

На мне только тонкая белая шелковая сорочка, отороченная легкомысленным кружевом, а его взгляд медленно путешествует от моего лица ниже. И это будто горячий луч, щекочущий розовеющею от смущения кожу. А я застыла как кролик перед удавом, и еще чуть-чуть и снова буду лепетать, что «не надо, пожалуйста, хотя нет, конечно, давай!».

Нет уж!

Сашкины глаза тормозят на уровне моей груди, облепленной тонкой тканью, и я инстинктивно обхватываю себя за плечи, не давая себя разглядеть. Он тут же вскидывает взор выше. Снова смотрит мне в лицо и натывается на мой откровенно враждебный взгляд. Вижу, как дергается его кадык, и мне тоже нестерпимо хочется сглотнуть, но я даже не моргаю.

Какая непонятная, невероятно дурацкая ситуация... Ключами открыл, говорит... Его квартира... Правда?

Господи, если это правда, то он меня что? Просто выставит сейчас?! От такой перспективы по спине пробегает липкий холодок. Я не пропаду, конечно, но съезжать вот так совсем не хочется.

– Лиз, оденься и выходи на кухню, – выплевывает резко и раздраженно Сашка, переключая на себя мое внимание. Таким тоном это произносит, будто я в чем-то виновата перед ним, – Надо что-то решать.

Накинув халатик и поплотнее запахнув его на груди, плетусь к Сашке на кухню. Он уже всю хозяйничает там. Раскрывает подряд все шкафы и с любопытством осматривает содержимое. Поджав губы и всем своим видом пытаюсь выразить возмущение подобной бесцеремонности, прохожу мимо него и плюхаюсь в кресло- мешок у окна. Даже Вера Павловна с таким усердием по моим вещам на лазила! Но на Сашку мое представление не действует никак – он спокойно провожает меня насмешливым взглядом, захлопывает очередной проинспектированный шкаф и открывает холодильник. Здесь зависает немного и задумчиво обзирает содержимое полок, постукивая себя указательным пальцем по губам, очевидно собираясь что-нибудь сожрать... Тут уж я не выдерживаю!

– Это вообще-то мой холодильник, – шиплю из своего

кресла, скрестив руки на груди.

– Это вообще-то МОЙ холодильник, – летит тут же мне в ответ, и Сашка достает оттуда бутылку с остатками вина.

Моментально находит бокалы- хотя, чему я удивляюсь – он только что тут все облез, и идет со своей добычей ко мне. Падает в соседнее кресло-мешок, широко расставляет ноги, практически распластавшись на нем и ставит между нами вино как главную помощь в переговорах.

– Ну, рассказывай, – предлагает, разливая остатки по бокалам.

– Может ты расскажешь? – выгибаю бровь, принимая бокал.

– Со мной как раз все понятно. Это моя квартира. Я ее никому сдавать не собирался. Прилетел на сессию, вставил ключ, повернул и ох... Офигел я, Лиза, что тут все бабскими шмотками забито, а в откуда ни возьмись взявшейся кровати дрыхнешь ты!

– Я не дрыхну – я сплю, – поправляю.

– Не принципиально, – криво улыбается, отпивая, – Давай свою версию.

– Ну так у меня еще проще. В августе я искала квартиру, моя подруга- риелтор сказала, что есть подходящая. Все документы в порядке. Мы поехали-посмотрели. Подъехал хозяин, Лютик Егор, мы тут же заключили договор и все. Тебе показать договор? – последнее предложение говорю с вызовом и даже уже привстаю с кресла.

– Да нет, верю, – трет лоб Сашка, – И сколько ж платишь, интересно?

– Сорок пять плюс КУ.

– Еще и КУ, – присвистывает, – А квитанции видела?

– Егор договорился, что все электронно ему приходит. Он на Бали. Ему так удобней... Что ржешь? – я возмущенно पि-хаю закатившегося Сашку в плечо. Но бесполезно – его просто размазало.

– На Бали? – с трудом выдавливает сквозь смех, – Может это забегаловка какая в Наро-Фоминске... Мля, Егор как обычно... На Бали он. Да его приставы и в Беларусь не выпустят.

– То есть он все наврал? – хмурюсь.

– То есть да, – фыркает снисходительно Сашка.

– А документы как же? У него все было, Кира – хороший риелтор, она все проверяла, – от нервного возбуждения я сажусь в кресле – мешке прямо, как школьница за партой. Внезапно меня посещает одна догадка, и я с подозрением щурюсь, разглядывая Сашку, вальяжно растекшегося по пуфу, – Кстати, а у тебя-то самого есть документы? Чем ты докажешь, что квартира твоя?

– Ну, таких документов я с собой, конечно, не ношу, – разводит он руками, а мои глаза триумфально сверкают, – Но!

Сашка приподнимается с пуфа и выуживает из заднего кармана мой телефон.

– Может спросим у самого Егора? – кидает мне гаджет, – Набирай!

– Ладно, давай, – прикусив губу, снимаю блокировку с экрана, лезу в контакты, часы показывают половину третьего. Не факт, что он вообще возьмет. Длинные гудки. Ставлю на громкую. Сашка склоняется ко мне, глядя на светящийся экран. Внезапно оказывается совсем близко – его плечо прижимается к моему, а дыхание щекочет висок. Это отвлекает...

– Да. Лиза, здравствуйте, что-то случилось? – сонный хриплый голос в трубке.

– Случилось, – загробным тоном сообщаю я.

– Дядь, привет, – угрожающе-весело здоровается Саша. И я буквально слышу, как тот сглатывает через динамик.

– Санек? – сипит ошарашенно Егор, – Как... Ты где?

– У себя, а ты? Давай подъеду. Нам тут по ходу надо кое-что обсудить.

– Не, Сань, не, я не в городе, – торопливо хрипит Егор, а я закрываю ладонью глаза и тихо стону.

Его очевидно испуганный голос вместо тысячи слов.

– Ну я тебе настоятельно рекомендую завтра в городе быть. Иначе я подам в суд за мошенничество, – из тона Сашки веселье вымывается за какое-то мгновение, оставляя лишь холодную, едва сдерживаемую злость. Я даже вздрагиваю, с удивлением косясь на него.

– Завтра если до трех не наберешь – я тебя сам начну ис-

кать, понял?

– Саш, да подъеду завтра, без проблем, волну не гони. Что ты сразу?! Все объясню! – лепечет этот взрослый с виду мужик.

И это означает только одно – Сашка не врет. Что вот только мне теперь с этой правдой делать. Саша, бросив грубоватое "давай", завершает вызов. Я роняю голову на руки, упревая локти в колени. Мда...

– Убедилась? – кидает мне телефон и снова растекается по пуфу, закинув руки за голову.

Поворачиваюсь к нему, ловлю на себе внимательный, чуть прищуренный взгляд.

– Дурдом какой-то, – бормочу расстроено.

– О, да-а-а, – улыбается.

– И что теперь делать?

Неопределенно пожимает плечами.

– Ты меня выгонишь? – спрашиваю то, что меня беспокоит больше всего.

– Хочешь, чтобы выгнал? – в его тоне мелькает что-то неуловимое и многозначительное.

Но я слишком обескуражена происходящим, чтобы принять это за флирт. Мне сейчас не до игр, а это – будто разговор кошки с мышкой. Только бесит...

Поэтому отвечаю максимально по-деловому.

– Нет, договориться хочу.

– Есть что предложить? – интересуется на это Сашка и

уголок его губ дергается вверх.

Серые глаза останавливаются на моем лице, цепкие и серьезные, отчего улыбка кажется с подтекстом. Саша допивает вино одним глотком, не отводя от меня взгляд, и разводит руки в приглашающем жесте.

– Эм... так, – я начинаю нервничать, поэтому опять сажусь ровно-ровно, словно на экзамене, кладу руки на колени и переплетаю пальцы, – Я ведь верно понимаю, что постоянно ты тут не живешь и не собираешься?

– Верно, – медленно кивает.

– Значит тебе эта квартира в принципе не нужна, и ты просто так оплачиваешь коммуналку, – продолжаю живее.

– А еще я сделал тут ремонт и у меня нет никакого желания переделывать его после каких-либо жильцов, – склоняет голову набок Сашка, рассеянно качая в руке пустой бокал.

– Я очень аккуратна, – поджимаю губы.

Только иронично выгибает бровь.

– Если что-то испорчу, то сама сделаю ремонт, обещаю. Тебе лишние пятьдесят штук и оплата коммуналки? – немного повышая голос, потому что заниматься уговорами – не моя сильная сторона.

– Не лишние, – равнодушно кивает, давая понять, что и не критичные тоже.

– Пф-ф-ф- выдыхаю, пытаюсь успокоиться, – Слушай, уже третий час, я дико устала и хочу спать. Если у тебя есть какие-то пожелания, то лучше сам их и говори. А не заставляй

меня додумываться.

– Хорошо что ты не пошла в дипломаты, не твое, – хмыкает Сашка, ставит на пол свой пустой бокал и...берет мой!

– Э-э-э! – возмущенно тяну, но он уже демонстративно отпивает.

Захлопываю рот, гневно сверкая глазами. Ой, да пусть подавится!

– Проблема в том, Лиз, что я не знаю, что тебе сказать. Я не хотел и не хочу никого сюда пускать. Я не люблю чужих на своей территории, я брезгую.

От такого заявления у меня опять отваливается челюсть. Это он МНОЙ что ли брезгует?!

О-фи-геть!

Как, значит, в номер тащить через три часа после знакомства и там...Щеки заливает нестерпимым жаром, потому что я вдруг слишком отчетливо вспоминаю, что потом. Фантомные поцелуи вспыхивают на коже, горят между ног, плавают низ живота. Какие-то мгновения, но я подвисяю в них, словно в тягучем безвременье, пялясь на Сашкины губы. Он их облизывает. Как-то нервно. Наверно, у меня очень осязательный взгляд...

– Я не про тебя именно, не накручивай, – глуше добавляет, – Просто не хотел сдавать и все. Но...

– Но? – повторяю, тряхнув головой и возвращая себя в реальность.

Дурдом, Ли-и-иза! Лучше вспомни, как он свалил

утром! – орет внутренний голос.

Я вспоминаю, и весь жаркий трепет моментально проходит, оставляя только обиду, которую легко скрывать.

– Но я, конечно, не выгоню тебя прямо сейчас на улицу, – резюмирует Сашка.

– И на том спасибо, – бурчу.

– Это сейчас был сарказм? Не очень дальновидно, – хмыкнув, Сашка допивает и мой бокал. С тихим звоном ставит его на пол.

– Так что давай спать. Реально поздно уже. Я еще с самолета, башка вообще не варит, – хлопает себя по коленям и тяжело поднимается с пуфа, – Я как раз подумаю и все обсудим. Утром. Нам же вместе вставать, да? На лекции.

– Значит, ты поступил, – говорю очевидное.

Просто столько всего случилось за последние полчаса, что некоторые вещи хочется проговорить вслух, чтобы в них окончательно поверить.

– Были сомнения? – приподнимает брови Саша и подает мне руку, помогая встать.

Вкладываю ладошку в его широкую ладонь. Она горячая, жесткая, крепкая. Воспоминания опять электрическими мурашками простреливают по коже, поднимают волоски на затылке. Отдёргиваю свои пальцы тут же. Мне этого не надо! Лиза, помни, что он козел!

– Видела списки фамилий – ничего похожего на Бука, – глухо отвечаю, поправляя на груди халат.

– Искала? – неожиданно Сашка спрашивает это совершенно серьезно, без улыбки.

Чувствую, как розовеют уши и отвожу глаза.

– Нет, конечно, просто внимание почему-то обратила.

Повисает секундная пауза, которую можно ножом разрезать.

– Я – Лютик вообще-то. Бук потом что когда пришел в секцию, пацаны начали ржать, что какой же ты Лютик – ты целый букет. Я высокий был, хоть и тощий, и плечи непропорционально широкие.

Я невольно расплываюсь в улыбке, снова поднимая заискрившиеся весельем глаза на Сашку. Букет...мне от души смешно, но сдерживаюсь.

– Так и понеслось, Бук, Букет. Через пару лет только Бук остался, – проводит он ладонью по затылку, – Теперь ясно?

– Ясно, – киваю, – Лютик тебе идет.

– Ну да, – закатывает глаза, – Лучше скажи где матрас мой надувной, если не собираешься класть меня на своей кровати. Или собираешься?

– Нет! – возмущенно выпаливаю.

– Я так и думал, тащи матрас.

Выдав Сашке белье, матрас и ручной насос, я удаляюсь в спальню. Выключаю свет, ныряю под одеяло и, не дыша, прислушиваюсь, как он возится на кухне, устраиваясь. Только сейчас замечаю, что пульс мелко шкалит и меня всю потряхивает от нервного перевозбуждения.

Вот это да! Как вообще это все могло произойти? Почему именно он? Разве такие совпадения в жизни бывают? Не верится... Я просто не могу это все осознать!

Вздрагиваю, когда дверь в спальню тихонько приоткрывается, впуская полоску света из коридора. Затаиваю дыхание, боясь пошевелиться и выдать, что я не спю.

Сашка бесшумно проходит к туалетному столику, оставляет на нем какую-то бумажку или что-то вроде того, застыивает на пару секунд, косясь на мою постель, и так же тихо уходит, медленно прикрывая за собой дверь. Выжидаю несколько мгновений и вскакиваю с кровати. Подлетаю к столику. Как только вижу, что оставил, окатывает душный жар.

Злополучные две тысячи лежат на столе.

8.

Звонок будильника я встречаю с воспаленными сухими глазами и тяжелой, будто с похмелья головой. Нормально поспать так и не удалось. Вы знали, что надувной матрас – это прежде всего очень шумно? Каждая попытка этого двухметрового горного цветочка за стеной пошевелить хотя бы пальцем была слышна так, будто он ворочается прямо у меня в голове, безжалостно тесня мозги в разные стороны.

Хотя, странно... Пару раз у меня оставались ночевать друзья после небольших студенческих посиделок, я стелила им как раз на этом злополучном матрасе, и раньше никогда не замечала подобного эффекта.

Да, слышно было. Но не так критично!

Мысль, что я этой ночью маниакально прислушивалась именно к НЕМУ, я конечно же гоню... Еще дальше гоню попытки задуматься, почему я это делала.

Вместо этого выключаю мелодию будильника, накидываю халат, вскользя рассматриваю свое лохматое отражение в зеркале, пальцами провожу по спутанным рыжим кудрям и плетусь в душ. Спать хочется адски, по закону подлости я вырубилась с рассветом. И кто придумал первую пару в восемь утра!

Мне теперь так плохо, что я даже глаза полностью открыть не могу – так и брежу. По приборам. Пока не врезаюсь в чу-

жое, незапланированное на моих радарах тело.

– А, черт! – от испуга взвизгиваю на всю квартиру и отшатыриваюсь к стене, – Ты чего?!

– Я чего? Это ты чего! – Сашка моргает такими же красными как у меня глазами и остервенело трет заспанное лицо, – Что орешь как сиреноголовый? Блин, аж в ушах звенит.

И правда ковыряется в ухе, морщась. Оглядываю его в этот момент. И мучительно краснею, переводя взор на дверь кухни за его спиной. Потому что Сашка в одних белоснежных боксерах. И потому, что у него в этих боксерах очень убедительный стояк...

– Я чур первая в душ, Я все-таки девочка. Девочкам надо уступать, – бурчу, поджимая губы.

Взгляд нервно бежит где-то в районе Сашкиной переносицы, не зная, на чем остановиться. Кажется, если прямо в глаза Лютику посмотрю – он увидит в моих зрачках проявляющееся отражение его эрекции как на карточке полароида.

– Хм...

Цветок – переросток с торчащей тычинкой выгибает левую бровь и подпирает плечом дверь в ванную, совмещенную с туалетом, не давая мне пройти.

– Отлить- то пустишь, девочка? – хриплым со сна голосом интересуется Сашка, кривя губы в нахальной улыбке и складывая руки на голой широкой груди, – Или я же мальчик, и, если припрет, могу и в раковину на кухне?

– Господи, какая мерзость! – шокировано пишу, – Только

попробуй!

– То есть я первый, да? – улыбается Сашка шире, поднимая брови вверх, отчего лоб гармошкой.

– Пять минут тебе! И не вздумай отливать в мою ванну, животное! – сердито тычу в него пальцем, сдаваясь.

– В МОЮ ванну, – несется мне беззаботное в ответ.

– Пф-ф-ф! – мне остается только закатить глаза и, крутанувшись на босых пятках, отправиться на кухню. Ладно, кофе пока попью...

– Лиз, яичницу я люблю с помидорами! – орут мне из закрытой ванной, а потом раздается шум включенной воды.

– Я за тебя рада! – кричу в ответ, стараясь, чтобы меня услышали.

Не уверена, но кажется, получилось. До меня доносится приглушенный льющейся водой и стенами смех. Кусаю губы, чтобы не расплыться в дурацкой улыбке в ответ. Какой же он все-таки... Придурок... Классный...

С помидорами он любит. Будто я завтрак готовить ему побежала. Не дождется! Никогда!

Но рука сама непроизвольно распахивает холодильник, взгляд замирает на десятке яиц...

"В конце концов нам еще о будущем проживании договариваться," – оправдываю свой порыв, пытаюсь заткнуть хихикающий внутренний голос.

Сашка и правда выходит из ванной уже минут через пять

– я только успеваю вбить последнее яйцо. Щеки розовеют, когда он заходит на кухню, вытирая влажные волосы маленьким полотенцем для рук.

– Это же можно было взять, да? – протягивает мне полотенце.

Не поворачиваюсь – только плечами повожу, что без проблем. Мне вдруг дико неловко, что все-таки готовлю эту несчастную яичницу с помидорами. И еще от того, что Сашка в одних боксерах до сих пор. Он высокий, у него красивое спортивное тело, и я до сих пор помню его на ощупь, несмотря на то, что уже почти четыре месяца прошло. От этих мыслей воздух будто становится менее насыщен кислородом и тяжелее дышать.

– Одеться не хочешь, Саш? – мажу по его груди хмурым взглядом и снова поворачиваюсь к шкварчащей сковородке. У него темные небольшие соски – как монетки. И прибить себя хочется, что это подмечаю.

– Сначала поем, – усаживается Лютик за стол боком... на мой любимый стул! И облокачивается спиной о стену так, чтобы смотреть прямо на меня, при этом широко расставляет ноги, будто худший танцор на этой планете. Вальяжный взгляд упирается мне куда-то в лопатки. Уверена, что туда, потому что сразу невероятно хочется их почесать.

– Ну, Лиз, корми, – благосклонно разрешает Сашка. В голосе веселая ирония. Смешно ему, да...

– Ну ты и наглый, – качаю головой, грохая перед ним та-

релку с яичницей.

– Всего лишь ищу преимущества в нахождении женщины в квартире, – парирует. И задорные чертята пляшут в серых глазах.

– И как? Нашел?

– В душ иди, и обсудим, – вместо ответа Сашка кивает в сторону ванной.

Сам же поворачивается на стуле и садится за стол ровно под моим тяжелым взглядом. Пододвигает тарелку с угощением поближе.

– Лиз, а вилка? – разводит руками, поднимая на меня угрожающие глаза.

Из меня опять непроизвольно вылетает возмущенное "пф-ф-ф". Демонстративно громко топаю за вилкой для этого эксплуататора, аккуратно кладу ее перед Сашкой на стол. Стягиваю с его плеча мое влажное полотенце для рук.

– Я пошла, – сообщаю очевидное.

И уже направляюсь к двери, когда скручиваю в жгут полотенце и со всей дури луплю им Лютика по голым плечам.

– А-а! – орет он больше от неожиданности.

Хохочу. Заливисто. Как бывает только, когда несешься по коридору от догоняющего тебя, мечтающего отомстить парня. В ушах до сих пор грохот упавшего стула, сердце бешено в каждой клетке стучит. Адреналин! Успеваю захлопнуть дверь ванной прямо перед Сашкиным носом, чудом ему ничего не прищемив. Он бьет кулаком в дверное полотно.

Я только громче смеюсь. Мне так классно, что трясет. Это из детства что-то. Самое лучшее, чистое, азартное. У меня столько братьев было, я всегда любила убежать. Нашкодить и убежать. Умела это делать. Потому что, если догонят, то ух! Сашка стучит в дверь еще раз, уже мягко. Признает поражение.

– Коза, – долетает до меня почти ласковое, с усмешкой.

Удаляющиеся шаги. Перевожу дух.

– Лиз, на тебя кофе варить? – доносится из кухни уже совершенно будничным тоном.

– Да!

– С корицей будешь?

– Да!

8.1

Когда выхожу из душа, по квартире уже стелется терпкий аромат свежесваренного кофе. Слышу, как Сашка хозяйничает на кухне, с кем-то болтая по телефону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.